Железный король

Автор:
Джули Кагава

Железный король

Джули Кагава

Young Adult. Железные фейри #1

Меня зовут МЕГАН ЧЕЙЗ.

Менее чем через сутки мне исполнится шестнадцать. Прекрасный возраст! В нем есть нечто волшебное. О нем написано бесчисленное количество повестей, песен и стихов: девушка находит настоящую любовь, звезды освещают ей путь, а прекрасный принц увозит на край света.

Но это не моя история.

В жизни Меган все идет не так с тех самых пор, как ее отец пропал. Но после исчезновения младшего брата Меган узнает правду: она – дочь короля фейри и пешка в смертельной игре. Теперь девушка должна решить, как далеко готова зайти, чтобы спасти брата и остановить многовековое зло, с которым никто не осмеливается бороться. Возможно в далеком Фейриленде она встретит принца, который скорее готов увидеть ее мертвой, чем открыть ей свое ледяное сердце. Правда, что еще ждет Меган по другую сторону мира, не сможет предугадать никто.

Джули Кагава

Железный король

Посвящается Нику, Брэндону и Виллису.

И да продолжим мы мартышкин труд.

© Руснак К., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Предисловие автора

Когда мой издатель сказал мне, что выпустит специальные издания первых четырех книг из серии «Железные фейри» к ее десятилетнему юбилею, я была в восторге. «Железные фейри» остается близкой и дорогой моему сердцу как первая опубликованная мною серия, а также как работа, по которой я, вероятно, стала наиболее известной. Возможность обновить ее и снова выпустить в мир – настоящий подарок для меня.

Когда идея истории о фейри только пришла мне в голову, первое, что я представила, – это персонаж: обычная девушка, которая ничего не знала ни о фейри, ни об их опасном мире. Погрузив совершенно неподготовленную Меган в пучину Небыли и наблюдая за ее борьбой за выживание, я смогла полностью изучить прекрасную разрушительную мощь фейри и позволить читателям вместе с ней пережить чудеса, опасности и сюрреалистичность этого места. Пока Меган продолжала свое путешествие в мире фейри, у меня зародилась еще одна идея. Вопрос. Чего боятся фейри? Что может напугать этих древних существ, живущих за счет страха, любви и эмоций смертных? Ответ есть практически во всех преданиях фейри – железо. Фейри не выносят его прикосновения; оно обжигает их и отпугивает, а в некоторых случаях даже убивает. А затем я вспомнила, что есть еще один распространенный убийца фейри – неумолимое неверие. Человеческое воображение и вера в магию создали фейри… а когда люди перестают верить в магию и фейри, те постепенно исчезают и умирают.

Достаточно ввести в сюжет железных фейри – существ, появившихся в результате человеческой любви к прогрессу и технологиям. Эти существа, воплощенные в жизнь мечтами людей о новейших технологиях, гаджетах, чудесах техники и прочих электронных девайсах, были полной противоположностью первоначальным фейри, и поэтому конфликт между ними и остальной частью Небыли был неизбежен. Отсюда и взялось стремление Меган Чейз преодолеть пропасть между этими разрушительными новыми фейри и традиционным царством волшебных существ.

Мне всегда нравились старые сказки, которые придавали более мрачный оттенок вещам и предназначались для предостережения и страха, а не для развлечения. Фейри из этой серии – это существа из мифов и легенд; это переменчивые доброжелательные соседушки, обитающие в густых лесах и заманивающие мужчин и женщин на смерть. Это существа, которые подменивают человеческих младенцев отпрысками фейри, охотятся по лесам на смертных, как на кроликов, и считают естественным заставить человека влюбиться в них только затем, потом оттолкнуть, бросить или убить его. Это старые существа, древние, для которых, в общем-то, люди – игрушки. А игры фейри могут быть по-настоящему зловещими. Такие, в той или иной степени, все фейри, и это делает их одновременно привлекательными и смертоносными, хотя герои нашей сказки борются против своей низменной натуры, как и положено истинным героям.

Так что, если вы когда-нибудь окажетесь в царстве фейри, имейте в виду: это опасное место; место, где сама земля может отравить вас, где приглашение на обед может означать, что вы и есть основное блюдо. И помните, что фейри – это древние существа со своими устоями, и, если потерять бдительность, при бледном свете луны они могут украсть ваш поцелуй – или даже вашу душу.

Путь серии «Железные фейри» был долгим. Я бесконечно благодарна своим читателям и фанатам, которые любят мир железных фейри, которые начали это путешествие вместе со мной и пережили всю историю до конца. Я надеюсь, что новые читатели откроют для себя магию Небыли, а старые фанаты заново проникнутся любовью к этому миру и персонажам: Меган, Эшу, Паку и Грималкину. Пока люди будут помнить фейри, они никогда не исчезнут.

Благодарю за прочтение!

Джули Кагава

Часть I

Глава 1

Привидение в компьютере

Десять лет назад, в мой шестой день рождения, мой папа исчез.

Нет, он не ушел. «Ушел» означало бы чемоданы и пустые ящики, запоздалые поздравительные открытки с десятидолларовыми купюрами внутри. «Ушел» значило бы, что он не был счастлив с нами, с мамой и со мной или вдруг нашел новую любовь. Ничего из этого не было правдой. И он не умер, потому что мы бы об этом узнали. Не было ни автокатастрофы, ни трупа, ни полиции, суетящейся на месте жестокого убийства. Все произошло очень тихо.

В мой шестой день рождения отец отвел меня в парк – одно из моих любимых мест в то время. То был маленький уединенный зеленый уголок в глуши, с беговой тропинкой и цветущим, окруженным соснами прудом, над которым стелился туман. Мы стояли у воды, кормили уток, когда я услышала гудок грузовика с мороженым, остановившегося на стоянке на холме. Я умоляла отца купить мне сливочное мороженое, а он, рассмеявшись, вручил мне несколько купюр и отправил к мороженщику.

Тогда я видела его в последний раз.

Позже, когда полиция обыскала местность, они обнаружили у воды его ботинки, но больше ничего. Водолазы обыскали водоем, но он был глубиной не более трех метров, так что они не нашли на дне ничего, кроме веток и грязи. Мой отец бесследно исчез.

После этого мне месяцами снился кошмар о том, как я стою на вершине холма, смотрю вниз и вижу, как папа входит в воду. Когда вода сомкнулась над его

головой, я услышала на заднем фоне музыку из грузовика мороженщика – медленная, жуткая песня, слова которой казались такими знакомыми. Однако каждый раз, когда пыталась их разобрать, я просыпалась.

Вскоре после исчезновения отца мама увезла нас подальше, в маленький деревенский городок посреди болот Луизианы. Мама сказала, что хочет «начать все сначала», но в глубине души я всегда знала, что она от чего-то бежит.

Пройдет еще десять лет, прежде чем я узнаю ответ.

Меня зовут Меган Чейз.

Менее чем через двадцать четыре часа мне исполнится шестнадцать лет.

О, прекрасные шестнадцать! В этом есть что-то волшебное. Считается, что в шестнадцать лет девочки становятся принцессами, влюбляются, ходят на танцы, выпускные вечера и тому подобное. Об этом чудесном возрасте написано бесчисленное количество рассказов, песен и стихов, когда девушка находит настоящую любовь, и звезды сияют для нее, а прекрасный принц увозит ее в закат.

Точно не про меня.

Утром накануне дня рождения я проснулась, приняла душ и пошарила в комоде, решая, что бы такое надеть. Обычно я просто хватала любую чистую вещь с пола, но сегодня был особенный день. День, когда Скотт Уолдрон наконец заметит меня. Мне хотелось выглядеть идеально. Конечно, в моем гардеробе, к сожалению, не было никакой модной одежды. Если другие девчонки часами напролет ныли о том, что им нечего надеть, стоя перед забитым шмотками шкафом, то в моих ящиках обычно лежали вещи трех типов: одежда из комиссионки, чьи-то обноски и комбинезоны.

«Жаль, что мы такие бедные. Знаю, свиноводство – не самая гламурная работенка, но хотя бы одну пару хороших джинсов мама могла бы мне купить. – Я с отвращением осмотрела свой скудный гардероб. – Что ж, думаю, придется завоевывать Скотта природной грацией и обаянием, главное, не выставить себя

перед ним идиоткой».

Наконец, я надела штаны карго, простую зеленую футболку, единственные потрепанные кроссовки, которые у меня были, причесала белокурые волосы. Они у меня прямые и очень тонкие и торчат так, словно я воткнула палец в розетку. Завязав их в хвост, я спустилась вниз.

Люк, мой отчим, сидел за столом, пил кофе и листал крошечную городскую газету, которая больше похожа на нашу школьную колонку сплетен, чем на настоящий источник новостей. «На ферме Паттерсона родился пятиногий теленок», – кричала первая страница. Ну, вы поняли. Итан, мой единоутробный братишка четырех лет, сидел у отца на коленях и ел печенье с начинкой, рассыпая крошки по всему комбинезону Люка. Одной рукой он крепко держал Ушастика, своего любимого плюшевого кролика, и время от времени пытался накормить его завтраком; кроличья морда была вся в крошках и фруктовой начинке.

Итан – хороший ребенок. У него вьющиеся каштановые волосы, как у отца, но, как и я, малыш унаследовал большие голубые мамины глаза. Он из тех детей, мимо которых не пройдет ни одна старушка: обязательно остановится и поворкует с ним, а совершенно незнакомые люди будут улыбаться и махать ему через улицу. Мама с Люком обожают своего ребенка, но, слава богу, избалованным он не стал.

– Где мама? – спросила я, входя на кухню. Открыв дверцы шкафа, я порылась среди коробок с хлопьями в поисках своих любимых, гадая, не забыла ли мама купить их. Конечно, забыла. Ничего, кроме хлопьев с клетчаткой и отвратительных зефирных для Итана. Неужели так сложно было вспомнить про колечки «Чириос»?

Сделав глоток кофе, Люк ничего не ответил. Жуя свое печенье, Итан чихнул отцу на руку. Я с удовольствием громко хлопнула дверцами шкафа.

– Где мама? – спросила я, в этот раз чуть громче. Люк вскинул голову и наконец посмотрел на меня. В его по-коровьи ленивых карих глазах читалось легкое удивление.

– О, привет, Мэг, – спокойно сказал он. – Не слышал, как ты вошла. Что ты сказала?

Я вздохнула и повторила свой вопрос в третий раз.

– У нее была встреча с какими-то женщинами в церкви, – пробормотал Люк, возвращаясь к газете. – Она приедет только через несколько часов, так что придется тебе ехать на автобусе.

Я всегда ездила на автобусе. Просто хотела напомнить маме, что на этих выходных она должна была отвезти меня за ученическими правами. С Люком было бесполезно разговаривать. Я могла четырнадцать раз сказать ему что-то, а он забывал об этом, стоило мне только выйти из комнаты. Не то чтобы Люк был подлым, злым или даже глупым. Он обожал Итана, и мама рядом с ним выглядела по-настоящему счастливой. Но каждый раз, когда я обращалась к отчиму, он смотрел на меня с неподдельным удивлением, будто забывая, что я тоже здесь живу.

На холодильнике лежали рогалики, я взяла один и стала угрюмо жевать, посматривая на часы. Бо, наш пес породы немецкой овчарки, вошел и положил свою большую голову мне на колено. Я почесала его за ушами, и он заскулил. Ну хоть собака меня ценила.

Люк встал, осторожно усадив Итана на стул.

– Ладно, здоровяк, – сказал он, целуя его в макушку, – папа должен починить раковину в ванной, так что посиди тут и будь хорошим мальчиком. Когда закончу, пойдем кормить свиней, хорошо?

– Ладно, – пролепетал Итан, размахивая пухлыми ножками в воздухе. – Ушастик хочет узнать, родила ли мисс Дейзи деток.

Люк улыбался настолько отвратительно гордой улыбкой, что меня тошнило.

– Эй, Люк, – сказала я, когда он повернулся, чтобы уйти, – держу пари, не угадаешь, какой завтра день.

– М-м-м? – Он даже не обернулся. – Не знаю, Мэг. Если у тебя на завтра планы, поговори с мамой. – Он щелкнул пальцами, и Бо немедленно покинул меня, зашагав за ним. Шаги на лестнице стихли, и я осталась наедине со единоутробным братом.

Итан болтал ножками, глядя на меня своим серьезным взглядом.

– Я знаю, – мягко объявил он, положив свое печенье на стол. – Завтра твой день рождения, да? Мне Ушастик рассказал, и я вспомнил.

– Да, – пробормотала я, поворачиваясь и швыряя рогалик в мусорную корзину. Он ударился о стену и упал в корзину, оставив на краске жирное пятно. Ухмыльнувшись, я решила оставить как есть.

– Ушастик просит поздравить тебя заранее.

– Передай Ушастику спасибо. – Выходя из кухни, я взъерошила Итану волосы, настроение испортилось окончательно. Так и знала. Мама с Люком совершенно забудут, что у меня завтра день рождения. Никто из них не подарит мне открытку или торт и даже не поздравит. Кроме глупого плюшевого кролика моего младшего братца, конечно. До чего жалкое зрелище.

Вернувшись в комнату, я схватила книги, домашние задания, спортивную одежду и телефон – «бесполезный, отупляющий мозг гаджет», как говорил Люк, на который копила целый год. Мой отчим застрял в каменном веке; он не любил и не доверял всему, что могло облегчить жизнь. Сотовые телефоны для членов семьи? Нет, у нас отличный стационарный телефон. Видеоигры? Это инструменты дьявола, превращающие детей в преступников и серийных убийц. Я снова и снова умоляла маму купить мне ноутбук для школы, но Люк настаивал, что если ему достаточно его старого громоздкого компьютера, то и всей семье достаточно. И неважно, что к сети он подключается вечность.

Я посмотрела на часы и чертыхнулась. Автобус вот-вот приедет, а мне еще добрых десять минут топать до дороги. Выглянув в окно, я заметила, что небо было серым, тяжелым и предвещало скорый дождь, поэтому прихватила куртку. И в который раз я пожалела, что мы не живем ближе к городу.

«Клянусь, вот получу права, куплю машину и никогда сюда не вернусь».

– Мегги? – Итан стоял в дверном проеме, прижимая игрушку под подбородком. Он угрюмо смотрел на меня своими голубыми глазами. – Можно мне сегодня пойти с тобой?

– Что? – Натянув куртку, я стала искать свой рюкзак. – Нет, Итан. Я в школу иду. Школа для больших ребят, малолеткам туда нельзя.

Я отвернулась и почувствовала, как две маленькие ручки обнимают мою ногу. Опершись рукой о стену, чтобы не упасть, я посмотрела на своего сводного брата. Итан вцепился в меня крепко и уперто смотрел на меня снизу вверх.

– Ну пожалуйста? – умолял он. – Я буду хорошо себя вести, обещаю. Возьми меня с собой. Только сегодня, а?

Вздохнув, я наклонилась и взяла его на руки.

– Что случилось, парень? – спросила я, убирая его волосы с глаз. Маме надо бы его подстричь, а то эта шевелюра уже походила на птичье гнездо. – Такой ты прилипала сегодня. В чем дело?

– Мне страшно, – пробормотал Итан, уткнувшись лицом мне в шею.

– Ты боишься?

Он покачал головой:

– Ушастик боится.

– А чего он боится?

– Человека в шкафу.

По спине пробежал легкий холодок. Иногда Итан был таким тихим и серьезным, что и не верилось, что ему всего четыре года. Его все еще одолевали детские страхи перед монстрами под кроватью и призраками в шкафу. В своем мирке Итан разговаривал с мягкими игрушками, невидимые люди махали ему из

кустов, а в окно его спальни длинными когтями скреблись страшилища. Он редко рассказывал маме или Люку о чудищах и призраках; с тех пор, как научился ходить, приходил только ко мне.

Я вздохнула, зная, что брат хотел, чтобы я поднялась наверх, проверила и заверила его, что в шкафу и под кроватью никто не прятался. Именно на такие случаи я хранила фонарик у него на комоде.

Снаружи сверкали молнии, а вдали гремел гром. Я нахмурилась. Прогулка до автобуса будет не из приятных.

«Черт, у меня нет на это времени».

Итан отстранился и посмотрел на меня умоляюще. Я снова вздохнула.

– Ладно, – пробормотала я, опуская его на пол. – Пойдем поищем монстров.

Он молча последовал за мной вверх по лестнице, с тревогой наблюдая, как я схватила фонарик, опустилась на колени и посветила под кроватью.

– Никаких монстров, – объявила я, вставая. Подошла к двери туалета и распахнула ее, Итан, спрятавшись за моими ногами, выглянул. – Здесь тоже никого. Как думаешь, теперь тебе будет спокойнее?

Он кивнул и слабо улыбнулся мне. Я хотела было закрыть дверь, как вдруг заметила в углу странную серую шляпу. Она была куполообразной, с лентой по кругу и красной полоской по краю: котелок.

«Странно. Откуда она здесь взялась?»

Выпрямившись, я хотела развернуться, но уловила краем глаза какое-то движение. Я мельком разглядела, как за дверью кто-то прятался, светлые глаза смотрели на меня сквозь щель. Я потрясла головой – конечно же, там ничего не было.

«Боже, теперь из-за Итана и я стала видеть воображаемых монстров. Нужно перестать смотреть ужастики по ночам».

Гром, ударивший прямо над нами, заставил меня подпрыгнуть, и в окно застучали крупные капли дождя. Прошмыгнув мимо Итана, я выскочила из дома и побежала по подъездной дорожке.

Я промокла, пока добралась до автобусной остановки. Дождь поздней весной не был холодным, но оказался достаточно прохладным, чтобы почувствовать себя дискомфортно. Скрестив руки на груди, я забилась под заросший мхом кипарис, ожидая прибытия автобуса.

«Интересно, где Робби? – размышляла я, глядя на дорогу. – Обычно к этому времени он уже здесь. Может, не захотел мокнуть под дождем и остался дома. – Я фыркнула, закатив глаза. – Опять пропускаем занятия, а? Лодырь. Жаль, я так не могу».

Если бы только у меня была машина. Я знала ребят, родители которых подарили им на шестнадцатилетие машину. Мне повезет, если у меня будет хотя бы торт. Большинство моих одноклассников уже получили водительские права и могли ездить в клубы, на вечеринки, куда угодно. Я всегда была аутсайдером, этакая деревенщина, которую никто никуда не приглашал.

«Кроме Робби, – поправила я себя, мысленно пожав плечами. – Он уж точно не забудет. Интересно, что еще необычного он запланировал на мой день рождения?»

Гарантирую, это будет что-то странное или безумное. В прошлом году он вытащил меня из дома на полуночный пикник в лесу. Так странно… Я помнила лощину и маленький пруд, над которым парили светлячки, но, хотя с тех пор я прочесала весь лес за домом не раз, так и не нашла это место.

В кустах за спиной что-то зашуршало. Опоссум или олень, а может, лисица, наверное, ищет убежища от дождя. Дикая природа здесь была невероятно дерзкой и людей особо не боялась. Если бы не Бо, мамин огород стал бы фуршетом для кроликов и оленей, а местное семейство енотов свободно бы рылось в наших шкафах.

Где-то среди деревьев треснула ветка, на этот раз ближе. Я неловко поерзала, решив не оборачиваться из-за дурацкой белки или енота. Я прожила в лесу почти всю свою жизнь. Разбирала вилами сено, убивала крыс и гоняла свиней по колено в грязи. Дикие животные меня не пугали.

Тем не менее я вглядывалась вдаль, надеясь, что автобус вот-вот покажется из-за угла. Может, дело в погоде и моем больном воображении, но этот лес выглядел как декорации для фильма «Ведьма из Блэр».

«Нет здесь ни волков, ни серийных убийц, – убеждала я себя. – Хватит быть параноиком».

В лесу вдруг стало очень тихо. Я прислонилась к дереву, вздрогнув и моля, чтобы автобус поскорее приехал. По спине пробежал холодок. Я была не одна. Осторожно вытянув шею, я всматривалась сквозь листву. На ветке неподвижно, как статуя, восседала огромная черная птица с торчащими, словно шипы, перьями от дождя. Она повернула голову и посмотрела на меня своими зелеными, как цветное стекло, глазами.

Вдруг из-за дерева что-то выскочило и схватило меня.

Я закричала и отпрыгнула, сердце колотилось в ушах. Развернувшись, я хотела убежать; разум переполняли мысли о насильниках, убийцах и Кожаном лице из «Техасской резни бензопилой».

За спиной раздался смех.

Робби Плутфил, мой ближайший сосед (ну как ближайший, он жил почти в двух километрах от меня), привалившись к стволу дерева, задыхался от смеха. Долговязый и высокий, в рваных джинсах и старой футболке, он перестал смеяться, взглянул на мое бледное лицо, и снова разразился смехом. Рыжие колючие волосы прилипли ко лбу, а одежда плотно прилегала к телу, подчеркивая худощавую, костлявую и с виду нескладную фигуру; промокший и весь в щепках, листьях и грязи – похоже, его это не беспокоило. Его вообще мало что заботило.

– Черт тебя дери, Робби! – Я разозлилась, топнула ногой и замахнулась на него. Он увернулся и вылетел на дорогу с красным от смеха лицом. – Это было не

смешно, идиот. Чуть не довел меня до сердечного приступа.

– П-прости, принцесса, – выдохнул Робби, держась за грудь и глубоко вдыхая. – Здорово вышло! – Закончив смеяться, он выпрямился, держась за ребра. – Боже, впечатляюще. Кажется, ты подпрыгнула в воздух аж на целый метр. Думала, я Кожаное Лицо или что-то в этом роде?

– Конечно, нет, глупый! – Раздраженная, я отвернулась, чтобы скрыть горящее лицо. – И я просила тебя не называть меня так! Мне уже не десять.

– Как скажешь, принцесса.

Я закатила глаза:

– Тебе кто-нибудь говорил, что ты застрял в возрасте четырехлетнего ребенка?

Робби весело засмеялся.

– Кто бы говорил! Не я спал всю ночь с включенным светом после просмотра «Техасской резни бензопилой». Я тебя предупреждал! – Скорчив гримасу, он шагнул ко мне, раскинув руки. – О-о-о-о-о, смотри, я Кожаное лицо!

Нахмурившись, я топнула и обрызгала его водой. Он обрызгал меня в ответ, смеясь. К тому времени, как подъехал автобус, мы были уже грязные и промокшие, и водитель попросил нас занять места в самом конце.

– Какие планы после школы? – спросил Робби, пока мы пробирались к задним сиденьям. Ученики кругом общались, шутили, смеялись и вообще не обращали на нас внимания. – Хочешь попозже выпить кофе? Или можем прокрасться в кинотеатр и посмотреть фильм.

– Не сегодня, Роб, – ответила я, выжимая промокшую футболку. Теперь, когда все закончилось, я пожалела, что мы плескались в грязи. Скотт подумает, что я выгляжу как Тварь из «Черной лагуны». – В этот раз без меня. Мне надо после уроков кое с кем позаниматься.

Робби прищурил зеленые глаза.

– Кое с кем позаниматься? И с кем это?

Бабочки запорхали в животе; я пыталась сдержать улыбку.

– Скотт Уолдрон.

– Что?! – Губы Робби скривились в гримасе отвращения. – Этот качок? Что, хочет научиться читать?

Я нахмурилась.

– Если он капитан футбольной команды, это не значит, что можно говорить о нем гадости. Или ты ревнуешь?

– О, конечно, в этом все дело, – усмехнулся Робби. – Всегда мечтал иметь коэффициент интеллекта как у булыжника. Хотя нет, погоди. Так и булыжник оскорбить можно. – Он фыркнул. – Не могу поверить, что тебе интересен этот тупица. Ты способна на большее, принцесса.

– Не называй меня так. – Я отвернулась, чтобы скрыть покрасневшие щеки. – И это просто репетиторство. Не пригласит он меня на бал. Господи!

– Ну конечно. – Очевидно, Робби это не убедило. – Нет, но ты надеешься, что пригласит. Просто признай это.

– Даже если так, что с того? – рявкнула я, оборачиваясь. – Это не твое дело, Роб. В любом случае, тебе-то что?

Робби вдруг затих, бормоча себе под нос что-то неразборчивое. Я повернулась к нему спиной и уставилась в окно. Меня не волновало, что сказал Робби. Сегодня на один чудесный час Скотт Уолдрон будет только моим, и никто меня этого не лишит.

Уроки длились целую вечность. Учителя несли тарабарщину, а время будто двигалось вспять. Наступил долгожданный полдень. Наконец-то! Наконец-то

прозвенел последний звонок, избавивший меня от бесконечных пыток решения задач типа «Если «х» равен «у», то…».

«Сегодня тот самый день», – сказала я себе, маневрируя по переполненным коридорам, держась с краю подальше от толпы. Мокрые кроссовки скрипели по кафелю, а в воздухе густо пахло потом, дымом и запахом тел. Меня охватило жуткое волнение. – Ты справишься. Не думай об этом. Просто зайди и сделай это».

Уклоняясь и обходя стороной учеников, я прошла по коридору и заглянула в компьютерный класс.

Он сидел за одним из столов, закинув ноги на стул. Скотт Уолдрон, капитан футбольной команды. Великолепный Скотт. Скотт – король школы. На нем была красно-белая куртка со школьной эмблемой, подчеркивающая широкую грудь; густые темно-русые волосы доставали почти до плеч.

Мое сердце бешено колотилось. Целый час в одном классе со Скоттом Уолдроном, и никто нам не помешает. Обычно мне и близко было не подобраться к Скотту; его вечно окружали либо Энджи со своими подружками из группы поддержки, либо его приятели из футбольной команды. В классе находились и другие ученики, но то были ботаники и ученые типы, Скотт Уолдрон таких не замечал. По своей воле спортсмены и чирлидерши тут не торчали. Глубоко вздохнув, я вошла в класс.

Когда я подошла к нему, он даже не взглянул на меня. Развалившись на стуле и откинув голову, Скотт бросал невидимый мяч через комнату. Я откашлялась. Ничего. Кашлянула чуть громче. Снова ничего.

Собравшись с духом, я встала перед ним и помахала рукой. Его кофейного цвета карие глаза наконец увидели меня. На мгновение, казалось, он был ошарашен, затем одна бровь лениво пошла вверх, будто он не мог понять, чего мне от него надо.

«Ой-ой. Скажи что-нибудь, Мег. Что-нибудь умное».

– Э-э-э… – пробормотала я. – Привет. Я Меган. Я сижу за тобой на уроках информатики. – Он продолжал смотреть на меня пустым взглядом, и

я почувствовала, как мои щеки краснеют. – Эм-м-м… Честно говоря, я не особо разбираюсь в футболе, но мне кажется, ты потрясающий квотербек, не то чтобы я встречала и других квотербеков, ну, вообще-то, только тебя. Кажется, ты и правда знаешь, что делаешь. Вообще-то я хожу на все твои игры. Обычно я сижу в самом конце, так что вряд ли ты меня видел.

«О боже. Заткнись, Мег. Заткнись сейчас же!» Я зажала рот, чтобы прекратить этот бесконечный лепет, желая провалиться сквозь землю и умереть. О чем я только думала, соглашаясь на это? Лучше быть невидимкой, чем выглядеть полной и окончательной идиоткой, особенно перед Скоттом.

Он лениво моргнул, протянул руку и вытащил наушники из ушей.

– Извини, – протянул он своим чудесным низким голосом, – я тебя не слышал. – Он оглядел меня и ухмыльнулся. – Ты, наверное, репетитор?

– Э-э-э, да. – Я выпрямилась и вернула себе остатки своего достоинства. – Я Меган. Мистер Сандерс попросил меня помочь тебе с твоим проектом по программированию.

Он продолжал ухмыляться.

– Ты же та деревенщина, которая на болоте живет? Ты хоть знаешь, что такое компьютер?

Лицо вспыхнуло, а живот сжался в маленький тугой комок. Ну да, дома у меня не было хорошего компьютера. Вот почему я проводила большую часть внеклассного времени здесь, в компьютерном классе, выполняя домашнее задание или просто зависая в сети. На самом деле я надеялась через пару лет поступить в Технический институт в Индиане. Программирование и веб-дизайн давались мне легко. Черт, да, я умела работать на компьютере!

Но, столкнувшись с критикой Скотта, только и смогла ляпнуть:

– Д-да. Ну, в смысле, конечно, знаю. – Он с сомнением посмотрел на меня, задев мою и без того уязвленную гордость. Я должна была доказать ему, что я не отсталая деревенщина, какой он меня считает. – Смотри, я покажу, –

предложила я и потянулась к клавиатуре на столе.

Затем произошло нечто странное.

Я даже не коснулась клавиш, как вдруг экран компьютера включился. Я замерла, пальцы зависли над клавиатурой, а по синему экрану потянулись слова:

«Меган Чейз. Мы видим тебя. Мы идем за тобой».

Я замерла. Слова продолжали всплывать на экране. Три предложения, снова и снова.

«Меган Чейз. Мы видим тебя. Мы идем за тобой. Меган Чейз. Мы видим тебя. Мы идем за тобой».

«МеганЧейз. Мывидимтебя. Мыидемзатобой…» – заполняя весь экран.

Скотт откинулся назад, пристально глядя на меня, затем на компьютер.

– Это что? – спросил он, насупившись. – Ты что творишь, ненормальная?!

Оттолкнув его, я подвигала мышью, нажала esc, затем комбинацию ctrl/alt/del, чтобы прекратить бесконечный поток слов. Не получалось.

Внезапно без предупреждения слова перестали всплывать, экран на мгновение погас. Затем огромными буквами мелькнуло еще одно сообщение:

«СКОТТ УОЛДРОН ПОДГЛЯДЫВАЕТ ЗА ПАРНЯМИ В ДУШЕ, ХА-ХА».

Я ахнула. Сообщение появилось на экранах всех компьютеров в классе, и я была бессильна это остановить. Ученики за партами замерли, потрясенные на мгновение, затем стали тыкать пальцем и смеяться.

Я чувствовал взгляд Скотта, словно нож в спине. В страхе я повернулась к нему и увидела, что он уставился на меня, тяжело дыша. С багровым лицом, от ярости или стыда, он указал на меня.

– Думаешь, это смешно, болотница? А?! Ну погоди, я покажу тебе! Сама себе могилу вырыла, дура!

Он выскочил из класса под взрывы хохота, доносившиеся ему вслед. Кто-то из учеников улыбнулся мне, кто-то аплодировал и хвалил; один даже подмигнул.

Колени у меня дрожали. Я плюхнулась на стул и тупо уставилась на экран, который внезапно выключился, стерев унизительное сообщение, но случившегося не исправить. Желудок скрутило, глаза предательски защипало.

Я закрыла лицо руками.

«Я труп. Мертвее мертвых. Это конец, игра окончена, Меган. Интересно, мама позволит мне перевестись в школу-интернат в Канаде?»

Легкий смешок прорезал мои мрачные мысли, и я подняла голову.

На мониторе, скрючившись, сидело крошечное бесформенное нечто – на фоне открытого окна и не разглядеть. Худенькое и истощенное, с длинными тонкими руками и огромными ушами, как у летучих мышей. Прищуренные умные зеленые глаза смотрели на меня через стол. Оно усмехнулось, обнажая полный рот острых зубов, светившихся неоново-голубым, а затем исчезло, как изображение с экрана.

Я сидела неподвижно, уставившись туда, где только что сидело какое-то существо; голова шла кругом от множества мыслей.

«Ладно. Отлично. Мало того, что Скотт меня ненавидит, так у меня еще и галлюцинации начались. Меган Чейз, жертва нервного срыва, потеряла рассудок накануне своего шестнадцатилетия».

Заставив себя встать, я как зомби поплелась в коридор.

Робби ждал меня у шкафчиков с содовой в руках.

– Эй, принцесса! – приветствовал он меня, когда я проковыляла мимо. – Что-то ты рано закончила. Как позанимались?

– Не называй меня так, – пробурчала я, ударившись лбом о шкафчик. – Урок прошел замечательно. Прошу, убей меня.

– Так хорошо, а? – Робби бросил мне диетическую содовую, которую я едва поймала, и с шипением открыл свой сок. В голосе слышались нотки насмешки. – Я бы сказал: «Я же тебе говорил…»

Я смотрела на него волком, призывая продолжить.

Улыбка исчезла с его лица.

– …но не стану. – Он поджал губы, стараясь не улыбаться. – Потому что… это неправильно.

– Ты-то почему здесь? – требовательно спросила я. – Автобусы уже все уехали. Караулил меня у компьютерного класса, как какой-то жуткий маньяк?

Роб громко закашлялся и сделал большой глоток сока.

– Эй, я тут подумал, – продолжил он радостно, – чем займешься завтра в день рождения?

«Буду прятаться у себя в комнате под одеялом», – подумала я, но в ответ пожала плечами и открыла свой ржавый шкафчик.

– Не знаю. Все равно. Нет никаких планов. – Я схватила книги, запихнула их в рюкзак и захлопнула дверцу шкафчика. – А что?

Робби одарил меня той самой улыбкой, что обычно заставляла меня нервничать, – улыбкой, растянувшейся до ушей настолько, что глаза превратились в тонкие зеленые линии.

– У меня есть бутылка шампанского. Стащил из винного шкафа, – ответил он, приподняв брови. – Давай я приду к тебе завтра? Отпразднуем твой день рождения стильно!

Я никогда еще не пила шампанского. Как-то глотнула пива Люка, думала, меня вырвет. Мама иногда приносила домой вино в коробке. Ужасным оно не было, но пьяницей меня не назовешь.

«Какого черта? Шестнадцать лет бываешь лишь раз в жизни, так?»

– Конечно, – ответила я Робби, покорно пожав плечами. – Звучит классно, устроим веселье!

Он наклонил голову:

– Все хорошо, принцесса?

Что мне ему сказать? Что капитан футбольной команды, в которого я влюблена вот уже два года, хочет мне отомстить? Что я вижу монстров на каждом углу и что школьные компьютеры либо взломали, либо стали одержимы? Ну да, конечно. От величайшего школьного приколиста жалости не дождешься. Зная Робби, он подумает, что это отличная шутка, и поздравит меня. Если бы я не знала его, то подумала бы, что он все подстроил.

Я устало улыбнулась ему и кивнула:

– Все хорошо. Увидимся завтра, Робби.

– До встречи, принцесса.

Как всегда, мама приехала за мной с опозданием. Мое репетиторство должно было занять час, но я просидела на тротуаре под моросящим дождем еще с полчаса, размышляя о своей несчастной жизни и наблюдая, как машины приезжают и уезжают. Наконец из-за угла появился ее синий универсал и остановился возле меня. Переднее сиденье было занято пакетами с продуктами и газетами, поэтому я проскользнула на заднее.

– Мег, да ты же насквозь промокла! – воскликнула мама, смотря на меня в зеркало заднего вида. – Не садись на обивку, постели полотенце или еще что. Ты что, не взяла с собой зонт?

«Я тоже рада видеть тебя, мам», – подумала я, хмурясь; схватила с пола газету и положила на сиденье. Ни тебе «Как прошел день, дорогая?» или «Извини, что опоздала». Надо было отказаться от этих дурацких занятий со Скоттом и поехать домой на автобусе.

Мы ехали молча. Мне говорили, что я похожа на маму, ну, еще до того, как на свет появился Итан и все внимание перешло к нему. Я по сей день не понимаю, что общего у нас может быть. Мама – одна из тех дамочек, которые в костюме-тройке и на каблуках выглядят абсолютно естественно; я же люблю мешковатые штаны и кроссовки. Мамины волосы ложатся густыми золотистыми локонами, мои же вялые и тонкие, почти серебристые при ярком свете. Она элегантная, грациозная и стройная; я просто худая.

Мама могла выйти за кого угодно – за кинозвезду, богатого финансового магната, но выбрала Люка, свиновода с его захудалой небольшой фермой в глуши. Что напомнило мне…

– Мам, не забудь, в эти выходные нужно забрать права.

– О, Мег, – вздохнула мама, – даже не знаю. У меня на этой неделе столько работы, и папа хочет, чтобы я помогла ему починить сарай. Может, на следующей неделе съездим.

– Мам, но ты обещала!

– Меган, прошу. День выдался тяжелый. – Мама снова вздохнула и посмотрела в зеркало заднего вида. Глаза у нее были покрасневшие, тушь размазалась. Я неловко заерзала. Она что, плакала?

– В чем дело? – осторожно спросила я.

Она замешкалась.

– Дома… произошел несчастный случай, – начала она, и у меня все сжалось внутри. – Отец повез Итана в больницу. – Она снова замолчала, сморгнула и вдохнула. – Бо напал на него.

– Что?! – Мама аж вздрогнула. Наша немецкая овчарка напала на Итана? – Он в порядке? – нетерпеливо спросила я, чувствуя, как живот крутит от страха.

– Да. – Мама устало улыбнулась. – Сильно напуган, но ничего серьезного, слава богу.

Я с облегчением вздохнула.

– Что произошло? – спросила я, все еще не в силах поверить, что наш пес мог напасть на члена семьи. Бо обожал Итана, расстраивался, если мальчонку ругали. Я наблюдала, как Итан тянул Бо за уши, шерсть и хвост, а тот лишь облизывал его в ответ. Однажды я увидела, как Бо осторожно взял Итана за рукав и оттащил от дороги. Наша немецкая овчарка могла вселить ужас в белок и оленей, но в доме он никогда ни на кого не склабился. – С чего Бо так взбесился?

Мама покачала головой:

– Не знаю. Люк увидел, как Бо побежал вверх по лестнице, затем услышал крик Итана. Когда поднялся наверх, то увидел, как Бо тащил Итана по полу. Лицо у него было сильно поцарапано, на руке – следы укусов.

Кровь застыла в жилах. Я представила, как Итана терзают, какой ужас он, должно быть, пережил, когда наш прежде заслуживающий доверия пес напал на него. В это сложно было поверить, фильм ужасов какой-то. Я понимала, что мама в шоке не меньше меня, она полностью доверяла Бо.

Тем не менее мама держалась, это было видно по тесно сжатым губам. Она что-то не договаривала, и кажется, я знала, что именно.

– Что с Бо?

Ее глаза наполнились слезами, и сердце мое сжалось.

– Мы не можем позволить, чтобы рядом жил опасный пес, Мег, – ответила она голосом, буквально умоляющим понять ее. – Если Итан спросит, скажем, что нашли для Бо другой дом. – Она глубоко вздохнула и крепко вцепилась в руль,

не глядя на меня. – Для безопасности нашей семьи, Меган. Не вини отца. Он привез Итана домой, а потом отвел Бо к водоему.

Глава 2

Роковой звонок

Ужин в тот вечер прошел в напряженном молчании. Я злилась на обоих родителей: на Люка за то, что сделал, на маму за то, что допустила это. Я отказывалась с ними разговаривать. Они с Люком общались, обсуждали всякую ерунду; Итан сидел молча, обнимая Ушастика. Было непривычно: обычно Бо расхаживал вокруг стола, клянча еду. Извинившись, я первой ушла к себе в комнату и хлопнула дверью.

Я плюхнулась на кровать и стала вспоминать, как Бо сворачивался калачиком рядом со мной, незаменимый и заботливый. Он никогда никого ни о чем не просил, просто хотел был рядом и заботиться о своих подопечных. А теперь его нет, и дом казался таким пустым.

Так хотелось с кем-то поговорить. Думала позвонить Робби, пожаловаться, как все несправедливо, но у его родителей – видимо, еще более замкнутых, чем мои, – не было ни телефона, ни даже компьютера. Как и у самого Робби. К слову, о средневековье. Нам приходилось договариваться о встрече еще в школе, ну, либо он просто заявлялся под моим окном, пройдя все два километра от своего дома пешком. Еще одна настоящая заноза в заднице, которую я намеревалась вытащить, когда у меня появится собственная машина. Мама с Люком не могут вечно держать меня в этом изолированном пузыре. Вот накоплю и куплю телефоны нам обоим, и плевать, что говорит Люк. Все эти бредни про то, что «технологии – зло», уже устарели.

В дверь робко постучали, в комнату заглянул Итан.

– Привет, пацан. – Я села на кровати, смахивая нахлынувшие слезы. На лбу у него красовался пластырь с рисунком динозавра, правая рука была забинтована. – Как дела?

– Мама с папой прогнали Бо. – Его нижняя губа дрожала, и он икнул, вытирая глазки своей плюшевой игрушкой. Вздохнув, я похлопала ладонью по кровати.

– Им пришлось, – объяснила я, когда он взобрался и устроился у меня на коленях, обнимая свою игрушку. – Они не хотели, чтобы Бо снова тебя покусал. Боялись за тебя.

– Бо не кусал меня. – Итан посмотрел на меня широко распахнутыми глазами, полными слез. Я видела в них страх и мудрость, которая была ему не по годам. – Бо не делал мне больно, – продолжал он. – Бо пытался спасти меня от человека в шкафу.

«Снова чудовища?» – вздохнула я, намереваясь возразить ему, но запнулась. А что если Итан прав? Последнее время я тоже видела странные вещи. Что если… если Бо действительно защищал Итана от чего-то ужасного?..

«Нет!» – Я тряхнула головой. Да это же просто смешно! Через пару часов мне стукнет шестнадцать, взрослая уже, чтобы верить в чудовищ. Итану тоже пора повзрослеть. Он был умным малым, и мне надоело слушать, как он винит воображаемых монстров каждый раз, когда что-то не так.

– Итан, – вздохнула я, пытаясь скрыть раздражение. Если я буду резка, он наверняка разрыдается, а я не хотела его расстраивать после всего, что ему пришлось пережить. – В твоем шкафу нет никаких монстров, Итан. Их не бывает, понимаешь?

– Нет, бывает! – нахмурился братишка, стукнув ножками по одеялу. – Я видел их. Они разговаривают со мной. Говорят, что король хочет меня видеть. – Он вытянул руку, показывая мне повязку. – Когда я был в туалете, дяденька схватил меня за руку и потащил под кровать, а Бо вошел и отпугнул его.

Было ясно, что его не переубедить, а истерику слушать мне не хотелось.

– Ладно, ладно, – уступила я, обнимая его. – Скажем так, сегодня на тебя напал не только Бо. Может, расскажешь маме и Люку?

– Они же взрослые, – ответил Итан, словно это и так очевидно, – не поверят мне. Они не видят монстров. – Вздохнув, он посмотрел на меня самым серьезным взглядом, что я когда-либо видела у него. – Но Ушастик говорит, что ты можешь их видеть. Если очень постараешься. Ты можешь видеть сквозь туман и чары, так Ушастик говорит.

– Сквозь что и что?

– Итан? – за дверью раздался голос мамы. – Ты здесь? – Увидев нас вместе, она робко улыбнулась. Я смотрела на нее с каменным выражением лица.

Мама закрыла на это глаза.

– Итан, милый, пора спать. День был долгим. – Она протянула руку, и Итан спрыгнул вниз и пошел к ней, волоча за собой кролика.

– Можно я сегодня лягу с тобой и папой? – спросил он тихим и испуганным голосом.

– Ой, думаю, да. Но только сегодня, ладно?

– Ладно. – Их голоса стихли в коридоре, и я захлопнула дверь.

Той ночью мне приснился странный сон о том, что я проснулась и увидела Ушастика, игрушку моего братца, у изножья кровати. Во сне кролик разговаривал со мной, он произносил жуткие и страшные слова, предостерегающие. Он хотел предупредить меня, а может, хотел, чтобы я помогла ему. Кажется, я что-то ему пообещала. Наутро, однако, сон практически стерся из памяти.

Меня разбудил шум дождя, барабанящего по крыше. Видимо, день моего рождения будет холодным, неприглядным и дождливым. На мгновенье я почувствовала себя подавленной, но не могла понять, в чем причина. Потом вспомнила все события вчерашнего дня и застонала.

«С днем рождения меня», – пропела я, зарываясь под одеяло. Спасибо, пожалуй, пролежу все выходные в постели.

– Меган? – раздался за дверью голос мамы, а затем робкий стук. – Ты уже встала?

Проигнорировав ее, я зарылась под одеяло поглубже. Я негодовала и возмущалась при мысли о бедном Бо, которого отвезли на болота. Мама знала, что я на нее злюсь, пусть помучается. Я не готова делать вид, что все в порядке.

– Меган, вставай, а то упустишь автобус, – сказала мама, заглядывая в комнату, таким сухим и обыденным тоном, что я лишь фыркнула в ответ. Недолго же она мучилась угрызениями совести.

– Я не пойду в школу, – пробурчала я из-под одеяла. – Мне нехорошо. Кажется, я простыла.

– Простыла? В свой день рождения? Вот не повезло. – Мама вошла в комнату, и я выглянула из-под одеяла. Неужели не забыла? – Как обидно, – продолжала она, улыбаясь и скрестив руки на груди. – Я собиралась отвезти тебя сегодня после школы забрать ученические права, но если ты заболела…

Я вскочила.

– Правда? Эм-м-м… что ж, думаю, все не так плохо. Аспирин приму.

– Так я и думала, – покачала головой мама, когда я вскочила на ноги. – Я весь день буду помогать папе чинить сарай, так что не смогу забрать тебя из школы. Но когда вернешься, съездим вместе в бюро. Такой подарок на день рождения тебя устроит?

Я носилась по комнате, хватая одежду и практически не слушая ее. Надо просто пережить этот день.

Я запихивала домашние задания в рюкзак, когда открылась дверь. В комнату заглянул Итан, застенчиво и нетерпеливо улыбаясь и держа руки за спиной.

Я подмигнула ему, откидывая волосы назад.

– Чего тебе, пацан?

Улыбаясь, он шагнул ко мне и протянул сложенный лист бумаги. Первую страницу украшали яркие рисунки карандашами: улыбающееся солнце парило над домиком, из трубы которого вился дым.

– С днем рождения, Мегги, – сказал он, вполне довольный собой. – Видишь, я помню!

Улыбаясь, я взяла самодельную открытку и открыла ее. Внутри простой рисунок карандашом: наша семья – мама и Люк, мы с Итаном держимся за руки, а рядом какое-то четвероногое животное, наверное, Бо. Ком подступил к горлу, глаза на мгновение наполнились слезами.

– Тебе нравится? – спросил Итан, наблюдая за мной с тревогой.

– Очень, – ответила я, взъерошив ему волосы. – Спасибо. Давай повесим ее на холодильнике, чтобы все увидели, какой ты у нас великий художник!

Братик ухмыльнулся и побежал прочь с открыткой в руках, а я почувствовала, как на сердце стало чуточку теплее. Может, день будет не таким уж и ужасным.

– Значит, сегодня мама отвезет тебя за правами? – спросил Робби, когда автобус подъехал к школе. – Классно! Наконец-то сможешь отвозить нас в центр и в кино. Не придется ждать автобус или торчать весь день перед телеком, переключая одни и те же пять каналов на вашем крохотном телике.

– Это только ученические права, Роб. – Я схватила рюкзак, когда автобус остановился. – У меня пока нет водительских прав. Зная маму, пройдет еще шестнадцать лет, пока я смогу водить машину самостоятельно. Итан и то получит их раньше меня.

При мысли о единоутробном брате меня пробрала дрожь. Я вспомнила его слова: «Ты можешь видеть сквозь туман и чары, так Ушастик говорит».

Про игрушечного кролика я поняла, но что что значило все остальное?

Пока я спускалась по ступенькам автобуса, кто-то знакомый отделился от большой группы и направился ко мне. Скотт. Живот скрутило, я оглядывалась в поисках отходного пути, но не успела потеряться в толпе, как он уже стоял передо мной.

– Привет. – При звуке его голоса, протяжного и низкого, я задрожала. Как бы я его ни боялась, он все равно был великолепен, с этими влажными от пота светлыми волосами, спадающими на лоб непослушными волнистыми прядями. Он почему-то нервничал и, пробежав руками по волосам, огляделся вокруг. – Эм-м-м… – Он сомнительно прищурился. – Еще раз, как тебя звать?

– Меган, – прошептала я.

– А, точно. – Подойдя ближе, он огляделся на своих дружков и продолжил тихим голосом. – Слушай, мне жаль, что я так вчера с тобой обошелся. Сорвался, извини.

На мгновение я впала в ступор. Я ожидала услышать угрозы, насмешки и обвинения. Но когда до меня дошел смысл его слов, я ощутила огромное облегчение.

– О-о-о, – пробормотала я, чувствуя, как заливаюсь краской, – да все в порядке, забудь!

– Не могу, – пробубнил он. – Все время думаю о тебе. Я вел себя как придурок и хочу загладить вину. Может… – Он замолчал, покусывая губу, а затем выпалил: – Хочешь пообедать со мной сегодня?

Сердце колотилось в груди, бабочки в животе запорхали, и казалось, что я парила над землей. Мне едва хватило воздуха, чтобы выдать, затаив дыхание:

– Конечно.

Скотт широко улыбнулся, обнажая белоснежные зубы, и подмигнул мне.

– Эй, ребята, гляньте сюда! – Один из приятелей Скотта, стоявший недалеко от нас, помахал нам с телефоном в руках. – Улыбнитесь!

Не успела я понять, что происходит, как Скотт обнял меня за плечи и притянул к себе. Я ошеломленно уставилась на него, сердце бешено колотилось. Он сверкнул ослепительной улыбкой на камеру, а я просто тупо смотрела на него, как идиотка.

– Спасибо, Мег, – сказал Скотт, отстраняясь. – Увидимся за ланчем. – Он улыбнулся и, подмигнув напоследок, побежал к школе. Дружок с телефоном усмехнулся и убежал за ним, оставив меня на парковке, потрясенную и растерянную.

Я стояла как идиотка, наблюдая, как кругом снуют одноклассники. В конце концов я расплылась в улыбке, едва сдерживаясь, чтобы не разразиться безумным смехом на всю площадку. Скотт Уолдрон хотел со мной встретиться! Он хотел пообедать со мной вдвоем сегодня! Может, мне наконец улыбнулась удача? Неужели это будет лучший мой день рождения?

Когда на парковку обрушился серебристый занавес дождя, я почувствовала на себе чей-то взгляд. Обернувшись, я увидела, как Робби наблюдает за мной в толпе.

Сквозь пелену дождя его глаза блестели необыкновенным ярко-зеленым цветом. Когда ливень обрушился на нас и ученики бросились к школе, мне показалось, по его лицу скользнула странная тень: длинная морда, прищуренные глаза, высунутый язык и острые клыки. Желудок скрутило, я моргнула, и вот Робби снова стал самим собой – нормальный, улыбающийся, не заботясь о том, что промокнет.

Я же тоже промокну!

Взвизгнув, я нырнула под крышу и забежала в школу. Робби побежал за мной, смеясь, дергая меня за промокшие локоны, пока я не стукнула его, чтобы прекратил.

Весь первый урок я то и дело поглядывала на Робби, пытаясь снова поймать этот жуткий, хищный образ на его лице и гадая, не сошла ли я с ума. А в итоге я

вывихнула шею и получила резкое замечание учителя о том, что надо поменьше пялиться на мальчиков.

Когда прозвенел звонок на обед, я вскочила; сердце трепетало, пульс участился. Скотт ждал меня в столовой. Я схватила книги, сунула их в рюкзак, развернулась…

И наткнулась на Робби, стоявшего у меня за спиной. Я завопила:

– Роб, я стукну тебя, если не перестанешь так делать! Отойди. Мне нужно бежать.

– Не ходи. – Его голос был тихим, серьезным. Я с удивлением посмотрела на него. Вечно глупая ухмылка исчезла, зубы стиснуты, взгляд пугающий. – Чувствую, это плохо кончится, и тебе достанется больше всех. Обещай, что не пойдешь.

Я отпрянула.

– Ты что, подслушивал? – требовательно спросила я, нахмурившись. – Да что с тобой не так? Не слыхал о личных разговорах?

– Уолдрону на тебя плевать. – Робби скрестил руки, бросая мне вызов. – Он разобьет тебе сердце, принцесса. Поверь мне, навидался я таких типов.

Меня охватил гнев; гнев на то, что он постоянно совал нос в мои дела, что мог быть прав.

– Еще раз, не твое дело, Роб! – рявкнула я, на что он изогнул брови. – Я могу о себе позаботиться, ясно? Хватит лезть, куда не просят.

В его глазах мелькнула боль, но быстро исчезла.

– Прекрасно, принцесса. – Он ухмыльнулся, подняв руки. – Не намочи свои королевские трусики. Забудь, что я сказал.

– Ну и ладно! – Вскинув голову, я вышла из класса, не оглядываясь.

Пока я шла в столовую, меня снедало чувство вины. Я сожалела, что огрызнулась на Робби, но иногда он вел себя как старший брат, и это бесило. Как бы то ни было, Робби всегда был таким – ревнивым, чрезмерно заботливым, все время за мной присматривал, словно это его работа. Даже не припомню, как мы впервые встретились; кажется, он всегда был рядом.

В столовой было шумно и тускло. Я остановилась в дверях, выискивая Скотта, и нашла: он сидел за столом посреди зала в окружении чирлидерш и дружков-футболистов. Я замешкалась. Не могу же я просто подойти к ним и сесть; Энджи Уитмонд со своими подружками разорвут меня в клочья.

Скотт поднял глаза и, увидев меня, расплылся в ленивой улыбке. Принимая это за приглашение, я направилась к нему, пробираясь между столами. Он достал телефон, нажал на кнопку и посмотрел на меня полуприкрытыми глазами, улыбаясь.

Рядом зазвонил телефон.

Я вздрогнула, но продолжила идти. За спиной послышались вздохи и хихиканье, а затем перешептывание, такое неприятное, будто обсуждали меня. Я чувствовала, что меня сверлят взглядами. Стараясь не обращать на это внимания, я шла по проходу.

Зазвонил еще один телефон. И еще.

Теперь шепот и смех распространялись как лесной пожар. Я почему-то сразу почувствовала себя ужасно незащищенной, обнаженной, будто в лучах прожектора, напоказ. Они же не могли смеяться надо мной, так? Двое парней тыкали на меня пальцами, перешептываясь, и я изо всех сил старалась не обращать на них внимания. Скотт был уже близко.

– Эй, красотка! – Кто-то ударил меня по заднице, и я вскрикнула. Обернувшись, я увидела Дэна Оттомана – прыщавого светловолосого кларнетиста из группы. Он взглянул на меня и подмигнул. – Не знал, что ты из таких, – сказал он, пытаясь источать очарование, но лишь напоминая мне грязного лягушонка Кермита. – Приходи в группу как-нибудь. У меня есть для тебя флейта, можешь поиграть.

– О чем ты? – рявкнула я на него. Хмыкнув, он протянул телефон.

Поначалу экран был пуст, затем ярко-желтыми буквами появилось сообщение: «Чем Меган Чейз похожа на холодное пиво?» Я ахнула, сообщение сменилось картинкой.

Там была я. Мы со Скоттом на парковке, он обнимал меня за плечи, широко улыбаясь. Только теперь, – у меня аж челюсть отвисла, – я была голой и таращилась на него пустыми и глупыми глазами. Наверное, использовал фотошоп: на фото у меня было до неприличия худое и бесформенное тело, грудь плоская, как у двенадцатилетней девочки. Я замерла, сердце мое остановилось, когда на экране всплыло второе сообщение.

«Мягко пьется и дается легко!»

Земля ушла из-под ног, щеки налились пунцом. Я с ужасом посмотрела на Скотта и увидела, что вся их компания хохочет, тыча в меня пальцем. Телефоны продолжали звонить по всей столовой, смех сотрясал все вокруг, словно цунами. Я дрожала, в глазах защипало.

Закрыв лицо руками, я развернулась и побежала, чтобы не расплакаться там, как ребенок. Пронзительный смех эхом преследовал меня, слезы обжигали глаза, словно яд. Мне удалось пересечь весь зал не споткнувшись, и, с грохотом распахнув дверь, я выбежала в коридор.

Почти час я провела в дальней кабинке женского туалета, рыдая и планируя переехать в Канаду или, может, на Фиджи – куда-нибудь далеко-далеко. Я не смела показываться на глаза в таком состоянии. Наконец, когда слезы утихли и дыхание восстановилось, я задумалась, какой несчастной была моя жизнь.

«О, какая честь, – с горечью подумала я, затаив дыхание, когда в уборную вошли девчонки. – Скотт Уолдрон личной персоной решил разрушить мою жизнь. Бьюсь об заклад, он ни с кем такого еще не проделывал. Вот повезло, я самая большая неудачница в мире». Слезы снова подкатывали, но я устала реветь, поэтому сдержалась.

Поначалу я думала отсидеться в туалете до конца занятий. Но если бы в классе меня спохватились, то в первую очередь искали бы здесь. Поэтому, собравшись с духом, я на цыпочках спустилась в медпункт, чтобы притвориться, что жутко болит живот, и отсидеться там на время.

В лоферах на толстой подошве в нескольких шагах от меня стояла медсестра; когда я заглянула, она бросила на меня взгляд, предупреждающий, что не потерпит очередных подростковых капризов. Кожа на ее лице походила на кожуру усохшего ореха, седые волосы собраны в строгий пучок, на кончике носа красовались крошечные золотистого цвета очки.

– Итак, мисс Чейз, – заговорила она хриплым высоким голосом, отложив в сторону блокнот, – что привело вас сюда?

Я удивилась, что она меня знает. В медпункте я была только раз, когда сбившийся с курса футбольный мяч угодил мне в лицо. Тогда медсестра была худощавой и высокой, с неправильным прикусом, из-за чего походила на лошадь. А эта пухлая, скукоженная маленькая женщина была тут новенькой, и ее взгляд меня немного нервировал.

– Желудок болит, – пожаловалась я, держась за живот так, словно он вот-вот лопнет. – Мне бы прилечь на пару минут.

– Конечно, мисс Чейз. В той комнате есть несколько коек. Я принесу что-нибудь, чтобы стало легче.

Кивнув, я направилась в комнату, разделенную несколькими огромными простынями. Там было пусто, никого, кроме нас двоих. Отлично. Я выбрала угловую койку и легла на застеленный одноразовой простыней матрас.

Через несколько минут появилась медсестра и протянула мне одноразовый стаканчик с пузырящейся и шипящей жидкостью.

– Вот, прими, станет легче, – сказала она, вкладывая стаканчик в мои руки.

Я уставилась на него. Шипучая белая жидкость пахла шоколадом и травами, но был еще какой-то запах, настолько сильный, что глаза слезились.

– Что это? – спросила я.

Медсестра улыбнулась и вышла.

Я осторожно сделала один глоток и почувствовала, как тепло расплывается от горла к животу. Вкус был невероятный, как самый вкусный шоколад в мире, с легким горьковатым послевкусием. Опрокинув стаканчик, я выпила все до последней капли.

Почти сразу же мне захотелось спать. Я прилегла на шуршащий матрас, закрыла глаза, и все исчезло.

Проснулась я от тихих голосов, говорящих украдкой, прямо за занавеской. Я хотела пошевелиться, но тело и голова были словно ватные. Я изо всех сил старалась держать глаза открытыми. За свисающей простыней виднелись два силуэта.

– Не делай ничего безрассудного, – предостерег низкий, хриплый голос.

«Медсестра», – подумала я, гадая в бреду, а не даст ли она мне еще того вкусного шоколада.

– Помни, твой долг – присматривать за девушкой. Ты не должен делать ничего, что привлечет внимание.

– Я? – удивился до боли знакомый мне голос. – Привлечь внимание? Зачем мне это?

Медсестра фыркнула.

– Если вся команда поддержки превратится в мышей, Робин, я буду очень тобой недовольна. Дети смертных слепы и жестоки, сам знаешь. Ты не должен мстить, как бы ни относился к девочке. Особенно сейчас. Грядут куда более тревожные времена.

«Это сон, – подумала я. – Да, наверняка. Что было в том стаканчике?»

В тусклом свете силуэты, жестикулирующие за занавеской, казались странными и неправдоподобными. Медсестра будто была еще меньше. Вторая тень была еще более необычной: нормального роста, но на голове не то уши, не то рога.

Тот, что повыше, вздохнул и сел на стул, скрестив длинные ноги.

– Я уже это слышал, – пробормотал он. – Ходят мрачные слухи. При Дворах неспокойно. Похоже, обоих что-то напугало.

– Именно поэтому ты должен продолжать защищать ее и присматривать за ней. – Медсестра развернулась, уперев руки в бока, и продолжила упрекающим голосом: – Я удивлена, что ты до сих пор не дал ей отпить дурманящего вина. Сегодня ей исполняется шестнадцать. Пелена спадает с глаз…

– Знаю, знаю, я как раз планировал. – Тень вздохнула, уронив голову на руки. – Займусь этим сегодня вечером. Как она?

– Отдыхает, – ответила медсестра. – Бедняжка, ее сильно обидели. Я дала ей слабый отвар сонного зелья, пусть поспит до конца уроков.

Раздался смешок.

– Когда ты последний раз давала сонное зелье ребенку, он проспал две недели. И это ты мне говоришь оставаться незаметным.

Я с трудом разобрала ответ медсестры, кажется, она сказала:

– Она дочь своего отца. С ней все будет хорошо.

А может, мне это почудилось. Все кругом поплыло, как нечеткое изображение, я отключилась.

– Меган!

Кто-то будил меня. Недовольно бурча, я зашевелилась, на мгновение растерявшись, и наконец подняла голову. В глазах будто десять кило песка, уголки глаз слиплись от засохших слез. Застонав, я протерла глаза и мутным взглядом посмотрела на Робби. На секунду мне показалось, что он был встревожен. Я моргнула, и передо мной был прежний улыбающийся Робби.

– Просыпайся, спящая красавица, – поддразнивал он, пока я пыталась сесть. – Тебе повезло, школа опустела. Можно ехать домой.

– А? – пробурчала я, вытирая с глаз последние засохшие корочки, образовавшиеся после долгих рыданий. Фыркнув, Робби поднял меня на ноги.

– Вот, – сказал он, протягивая мой рюкзак, набитый книгами. – Тебе повезло, что у тебя такой хороший друг. Я отметил тебя на всех уроках, которые ты пропустила. И кстати, я тебя прощаю. И не скажу «я же тебе говорил!»

Он тараторил очень быстро. Мой мозг еще не проснулся, разум был затуманен.

– О чем ты? – пробормотала я, закидывая рюкзак на спину.

И тут я вспомнила.

– Надо позвонить маме, – сказала я, плюхнувшись обратно на койку. Робби нахмурился, растерявшись. – Чтобы она приехала за мной, – объяснила я. – Ни за что больше не сяду в автобус. – Меня охватило отчаяние, я спрятала лицо в ладонях.

– Послушай, Меган, – начал Робби, – я слышал, что произошло. В этом нет ничего страшного.

– Спятил?! – спросила я, глядя на него сквозь пальцы. – Меня обсуждает вся школа. Еще и в школьную газету попадет. Меня распнут, если я покажусь на людях. А ты говоришь, ничего страшного?

Я подтянула колени к груди и уткнулась в них головой. Все ужасно несправедливо!

– У меня день рождения, – простонала я. – Такое не должно происходить с людьми в их день рождения!

Робби вздохнул. Бросив рюкзак, он сел и обнял меня, прижимая к груди. Я всхлипнула, пролив несколько слез на его куртку, прислушиваясь к биению его сердца сквозь рубашку. Оно стучало очень быстро, словно он пробежал пару километров.

– Ну же. – Робби встал, потянув меня за собой. – Ты справишься. Обещаю, завтра никто и не вспомнит. – Он улыбнулся, сжимая мою ладонь. – Тебе разве не надо ехать за правами?

Эта яркая искра в черной полосе невзгод моей жизни вселила в меня надежду. Я кивнула, готовясь к тому, что будет дальше. Мы вышли из медпункта вместе, Робби крепко сжимал мою руку.

– Держись ближе, – пробормотал он, когда мы вышли в людный коридор. Энджи с тремя своими подружками стояли у шкафчиков, болтая и щелкая жевательной резинкой. Живот снова скрутило, сердце бешено заколотилось.

Робби сжал мою ладонь.

– Все хорошо. Не отходи от меня и ни с кем не разговаривай. Они нас и не заметят.

Когда мы подошли ближе к девчонкам, я приготовилась к тому, что они обрушат на меня свои насмешки и колкости. Но мы пронеслись мимо, и они едва на нас взглянули; хотя в тот момент Энджи как раз описывала мой позорный побег из столовой.

– А потом она, такая, стала рыдать, – рассказывала Энджи, ее гнусавый голос было слышно через весь коридор. – А я ей: «Божечки, ну что за неудачница! Чего еще ждать от деревенщины?» – Ее голос перешел в шепот, и она склонилась ниже. – Я слышала, ее мама ненормально одержима свиньями. Ну, вы поняли!

Подружки задорно захихикали, и я едва не сорвалась. Однако Робби крепче сжал мою руку и потащил за собой. Я услышала, как он что-то пробормотал себе

под нос, и почувствовала вибрацию в воздухе, как от беззвучного грома.

Энджи закричала.

Я пыталась обернуться, но Робби потянул меня за собой, пробираясь сквозь толпу, пока остальные ученики оборачивались на крик. Но на долю секунды я заметила, как Энджи прикрыла нос руками, а вопли ее все больше походили на визг свиньи.

Глава 3

Подменыш

Дорога домой была тихой. По крайней мере, мы с Робби ехали молча. Отчасти оттого, что я не хотела привлекать к себе внимание, но больше потому, что в голове роилось множество мыслей. Мы сели в дальнем углу автобуса, где я прильнула к окну, глядя на проносящиеся мимо деревья. Я достала телефон, включила музыку в наушниках погромче, что было лишь предлогом ни с кем не разговаривать.

В ушах до сих пор стоял поросячий визг Энджи. Это, наверное, был самый ужасный звук, что я когда-либо слышала, но, хоть она и была настоящей стервой, чувствовала я себя немного виноватой. Я не сомневалась, что это дело рук Робби, хоть мне и не доказать этого. Мне правда было страшно поднимать эту тему. Робби теперь казался другим человеком: тихий, задумчивый, он наблюдал за детьми в автобусе с хищной проницательностью. Он вел себя странно – и даже жутко, – и я задумалась, что с ним не так.

Мне снился необычный сон, который, как мне стало казаться, вовсе не был сном. Чем больше я об этом думала, тем больше понимала, что знакомый голос собеседника медсестры принадлежал Робби.

Вокруг происходило что-то странное, плохое и ужасное, и самым страшным было то, что опасность, казалось, скрывалась за привычными лицами. Я украдкой взглянула на Робби. Как хорошо я знала его? Он был моим другом дольше, чем я

себя помню, и все же я никогда не бывала у него дома и не встречала его родителей. Я предлагала несколько раз встретиться у него, но он всегда находил отговорки: родителей не было в городе или они ремонтировали кухню, которую я тоже никогда не видела. Это было странно, но еще более странным казалось то, что я никогда не задумывалась об этом, не ставила под сомнение. Робби просто существовал в моей жизни, словно появился из ниоткуда, без прошлого, без дома, без истории. Какую музыку он любил? Были ли у него цели в жизни? Влюблялся ли он когда-нибудь?

«Совсем ничего, – тревожно шептал мой разум. – Ты ничегошеньки о нем не знаешь!»

Вздрогнув, я повернулась к окну. Автобус остановился у знака «Стоп», и я заметила, что мы выехали за город и едем в наше болотистое захолустье. Мой район. Дождь заливал окна, отчего болота за окном казались размытыми, деревья – нечеткими темными очертаниями.

Я сморгнула и откинулась на спинку сиденья. Далеко на болоте под ветвями огромного дуба стояли лошадь и всадник, такие же неподвижные, как и деревья вокруг. Лошадь была крупная, черная, с гривой и мокрым хвостом, колыхающимся на ветру. Всадник был высоким и худым, одет в серое и черное. На его плечах развевался черный плащ. Сквозь дождь я мельком разглядела его лицо: молодое, бледное, поразительно красивое… и смотрело прямо на меня. В животе все перевернулось, дыхание перехватило.

– Роб, – пробормотала я, вытаскивая наушники, – посмотри на…

Лицо Робби была буквально в сантиметре от моего, он таращился в окно, прищурившись и злобно нахмурившись. Живот скрутило, я отстранилась, но он и не заметил. Губы его зашевелились, он прошептал всего лишь слово, так тихо, что я едва расслышала.

– Эш.

– Эш? – повторила я. – Кто такой Эш?

Выпустив струю выхлопного газа, автобус снова тронулся. Робби откинулся назад с совершенно каменным лицом. Сглотнув, я посмотрела в окно, но под

дубом уже никого не было. Лошадь и всадник исчезли, словно их никогда и не было.

Странностей становилось все больше.

– Кто такой Эш? – повторила я свой вопрос, поворачиваясь к Робби, который, казалось, обитал в каком-то своем мирке. – Робби, эй! – Я толкнула его в плечо. Он дернулся и наконец посмотрел на меня. – Кто такой Эш?

– Эш? – На мгновение глаза его налились яростью, а выражение лица было как у дикой собаки. Затем он моргнул и снова стал нормальным. – О, да так, старый приятель. Не волнуйся, принцесса.

Его слова как-то странно на меня повлияли, словно я должна была забыть все только потому, что он так сказал. Меня раздражало, что он что-то скрывал, но это чувство быстро улетучилось, и я уже и не помнила, о чем мы только что говорили.

Когда мы подъехали к нашей остановке, Робби вскочил как ошпаренный и выбежал из автобуса. Наблюдая за его побегом, я не спеша убрала телефон в сумку и вышла следом. Меньше всего мне хотелось, чтобы эта дорогая вещица промокла.

– Мне нужно идти, – заявил Робби, когда я подошла к нему на тротуаре. Его зеленые глаза скользили по деревьям, будто ожидая, что из леса что-то вылетит. Я огляделась, но кругом было тихо и спокойно, лишь птичья трель над головой. – Я… эм-м-м… забыл кое-что дома. – Он посмотрел на меня извиняющимся взглядом. – Увидимся вечером, принцесса, ладно? Я принесу шампанское.

– О! – Я и забыла об этом. – Конечно.

– Иди сразу домой, хорошо? – Напряженный, Робби прищурил глаза. – Не останавливайся и ни с кем по дороге не разговаривай, поняла?

Я нервно засмеялась.

– Ты что, мамочка? Скажи еще, чтобы я не играла с ножницами и смотрела по сторонам, переходя через улицу! Кроме того, – продолжила я, когда Робби ухмыльнулся, снова став похожим на себя, – кого я встречу в этом глухом захолустье? – Внезапно мне вспомнился тот юноша на лошади, и снова как-то странно засосало под ложечкой. Кто это был? Почему я не могу перестать думать о нем? Если он вообще был. Все так странно. Если бы не реакция Робби в автобусе, я бы подумала, что этот человек мне померещился.

– Отлично. – Робби помахал мне, сверкнув озорной ухмылкой. – Увидимся позже, принцесса. Не дай Кожаному лицу поймать тебя по дороге.

Я пнула его. Рассмеявшись, он отскочил и побежал по дороге. Закинув рюкзак на плечо, я поплелась по подъездной дорожке к дому.

– Мам? – позвала я, открывая дверь. – Мам, я дома!

Меня встретила тишина, эхом отражаясь от стен и тяжело повиснув в воздухе; она будто ожила, села в центре комнаты и смотрела на меня холодными глазами. Сердце начало громко и быстро стучать в груди. Что-то не так.

– Мам? – снова позвала я, осмеливаясь зайти. – Люк? Есть кто дома? – Дверь скрипнула, пока я медленно прокрадывалась дальше. Телевизор громко ревел и мерцал, показывали какое-то старое черно-белое комедийное шоу, но на диване напротив было пусто. Я выключила телек и пошла дальше по коридору, на кухню.

На мгновение все показалось нормальным, кроме открытой скрипящей дверцы холодильника. Внимание привлек небольшой предмет на полу. Сначала я подумала, что это грязная тряпка, но, присмотревшись, поняла, что это был Ушастик – игрушечный кролик Итана. Голова его была оторвана, из отверстия осыпалась вата.

Выпрямившись, я услышала слабый шум по ту сторону обеденного стола. Я обошла кругом, желудок так сильно скрутило, что к горлу подступила тошнота.

На кафельном полу в клетку лежала мама, раскинув руки и ноги, лицо ее наполовину было измазано чем-то багровым. В безвольной левой руке она держала свою сумку, содержимое которой рассыпалось по всему полу. В

дверном проеме, склонившись над с ней с любопытством, стоял Итан.

Он улыбался.

– Мама! – закричала я и бросилась к ней. – Мам, ты в порядке?! – Я схватила ее за плечо и трясла, но было равносильно что трясти мертвую рыбу. Кожа была еще теплой, а значит, мама жива. Ведь так?

«Где, черт возьми, Люк?!»

Я снова ее встряхнула, наблюдая, как голова безвольно покачивается. Желудок перевернулся вверх дном.

– Мама, очнись! Слышишь меня? Это Меган! – Я отчаянно оглядывалась по сторонам, схватила с раковины тряпку и приложила к ее лицу. Я осознала, что Итан стоит в дверях, с широко раскрытыми голубыми глазами и в слезах.

– Мама поскользнулась, – промычал он, и тогда я заметила прозрачную лужицу перед холодильником. Дрожащей рукой я окунула в нее палец и принюхалась – растительное масло? Что за черт? Я вытерла кровь с ее лица и заметила маленькую ранку на виске, едва заметную у самой кромки волос.

– Она умрет? – спросил Итан, и я бросила на него строгий взгляд. Напуганный и в слезах, он смотрел скорее с любопытством, чем с ужасом.

Я отвела глаза. Мне нужна помощь. Люка не было, оставалось вызвать скорую. Но стоило мне встать за телефоном, как мама застонала, зашевелилась и открыла глаза.

Сердце мое подпрыгнуло.

– Мама? – позвала я, пока она, потрясенная, пыталась сесть. – Не двигайся, я вызову скорую.

– Меган? – Мама огляделась, моргая. Она коснулась рукой лица и уставилась на измазанные в крови пальцы. – Что случилось? Я… что, упала?..

– Ты ударилась головой, – ответила я, вставая и пытаясь отыскать глазами телефон. – У тебя может быть сотрясение мозга. Потерпи, я вызову скорую.

– Скорую? Нет-нет. – Мама встала, взгляд ее прояснился. – Не надо, милая, я в порядке. Умоюсь и наложу пластырь. Не переживай.

– Но, мам…

– Я в порядке, Мег. – Мама схватила валявшуюся тряпку и стала вытирать кровь с лица. – Прости, что напугала, все будет хорошо. Это просто кровь, ничего серьезного. Да мы и не можем себе позволить еще один вызов врача. – Она уверенно выпрямилась и оглядела кухню. – Где твой брат?

Опешив, я снова посмотрела на дверь, но Итана уже не было.

Когда Люк вернулся домой, он и слышать не хотел мамины возражения. При одном только взгляде на ее бледное лицо с повязкой он закатил истерику и стал настаивать на том, чтобы ехать в больницу. Люк умел быть настойчивым, когда хотел, и под его давлением мама в конце концов сдалась. Пока Люк запихивал ее в видавший лучшие времена «Форд» и мчался прочь, она на ходу выкрикивала мне указания: приглядеть за Итаном, не дать ему уснуть слишком поздно, в холодильнике есть замороженная пицца.

Когда фургон завернул за угол и исчез из виду, в доме снова воцарилась мертвая тишина. Я вздрогнула, потирая руки, чувствуя, как она крадется и дышит мне в затылок. Дом, в котором я прожила большую часть жизни, сейчас казался мне незнакомым и пугающим, словно в углах и шкафах кто-то прятался, выжидая, чтобы наброситься, как только пройду мимо. Мой взгляд упал на скомканные ошметки Ушастика, разбросанные по полу, и мне вдруг стало тоскливо и страшно. Никто в этом доме не стал бы рвать на части любимую игрушку Итана. Что-то было не так.

Послышались чьи-то шаги. Повернувшись, я увидела в дверях Итана – он смотрел на меня. Без кролика в руках он выглядел необычно, и я задумалась, почему он даже не расстроен.

– Хочу кушать, – заявил он, удивив меня. – Приготовь мне что-нибудь, Мегги.

Я нахмурилась, услышав такой требовательный тон.

– Еще рано для ужина, пацан, – ответила я ему, скрестив руки на груди. – Подождешь пару часиков.

Он прищурился, губы скривились, обнажая зубы. На мгновение мне показалось, что они у него заострённые, как клыки.

– Хочу кушать! – прорычал он, делая шаг вперед. Я в ужасе отпрянула. Почти мгновенно выражение его лица изменилось, огромные глаза смотрели на меня умоляюще: – Пожалуйста, Мегги, – заскулил он. – Пожалуйста. Я очень голоден. – Он надулся и продолжил сердито: – Мама тоже ничего мне не приготовила.

– Ладно, хорошо! Только замолчи! – Эти резкие слова были вызваны страхом и полным смятением, потому что я боялась. Боялась Итана. Моего глупого четырехлетнего братца. Я не понимала, откуда взялись в нем эти демонические перепады настроения, но надеялась, что это временно. Может, несчастный случай с мамой его так расстроил? Может, если я покормлю паршивца, он уснет и оставит меня в покое. Я поплелась к холодильнику, достала пиццу и запихнула ее в духовку.

Пока пицца готовилась, я пыталась отмыть пол от масла. Все думала, как масло оказалось на полу, тем более что пустая бутылка валялась в мусорном ведре. Когда я закончила, от меня разило жиром, пол стал еще более скользким, но я сделала все, что могла.

Из раздумий меня вывел скрип дверцы духовки. Повернувшись, я увидела, что Итан открыл ее и заглядывал внутрь.

– Итан! – Схватив за запястье, я отдернула его назад, не обращая внимания на протестующий вопль. – Что ты творишь?! Хочешь обжечься?

– Кушать!

– Сядь! – рявкнула я, усаживая его на обеденный стул. Он реально пытался ударить меня, мелочь неблагодарная. Я едва сдержалась, чтобы не стукнуть его. – Господи, какой ты сегодня вредный. Сиди молча. Сейчас принесу тебе

поесть.

Когда я достала пиццу, он набросился на нее, как дикарь, не дожидаясь, пока она остынет. Застыв в шоке, я наблюдала, как он рвал пиццу на куски, словно голодный пес, глотая, едва прожевав. Очень быстро он весь измазался в соусе и сыре, пицца исчезала на глазах. Не прошло и двух минут, как он съел все до последней крошки.

Итан облизал руки, поднял на меня глаза и сказал:

– Хочу еще.

– Не может быть, – ответила я, выходя из оцепенения. – Если съешь еще что-то, тебя вырвет. Иди поиграй у себя в комнате.

Он смотрел на меня зловеще, казалось, лицо его потемнело, сморщилось и скукожилось под детскими щечками. Без единого слова он спрыгнул со стула, бросился на меня и вонзился зубами мне в ногу.

– Ай! – Боль пронзила мою икроножную мышцу, словно удар током. Схватив его за волосы, я пыталась вырвать его зубы из своей плоти, но он вцепился в меня, как пиявка, и усилил хватку. Будто осколки стекла вонзались в ногу. Слезы затуманили мне глаза, колени чуть не подкосились от боли.

– Меган!

У входа стоял Робби, с рюкзаком на спине, в ужасе от представшей перед ним картины.

Итан отпустил меня и обернулся на крик; его губы были испачканы кровью. Увидев Робби, он зашипел и – иначе и не скажешь – удрал от нас вверх по лестнице и исчез из виду.

Меня трясло так сильно, что пришлось сесть на диван. Боль в ноге пульсировала, я неровно и прерывисто дышала. Ярко-красная кровь сочилась сквозь джинсы, напоминая распустившийся цветок. Я в шоке уставилась на кровавое пятно, нога онемела, я застыла в ужасе.

Робби пересек комнату буквально тремя шагами и опустился на колени рядом. В спешке, словно не впервой, он начал закатывать штанину.

– Робби, – прошептала я, когда он склонился над моей ногой; его длинные пальцы были на удивление нежными. – Что происходит? Мир сошел с ума! Итан набросился на меня… как дикий пес!

– Это не твой брат, – пробормотал Робби, поднимая штанину, открывая кровавое месиво чуть ниже колена. Овальной формы рана от укуса сочилась кровью, кожа вокруг приобрела фиолетовый оттенок. Роб тихо присвистнул. – Неприятно. Жди здесь, скоро вернусь.

– Куда я денусь! – не задумываясь съязвила я, и только сейчас до меня дошел смысл его слов, сказанных ранее. – Стой, в каком смысле это не Итан? А кто еще это мог быть?

Робби не ответил. Подойдя к рюкзаку, он открыл его и достал длинную зеленую бутылку и крошечную хрустальную чашу. Я нахмурилась. Зачем ему шампанское сейчас? Я изнемогала от боли, а мой младший брат превратился в монстра – определенно не время праздновать.

С особой осторожностью Робби налил шампанское в чашу и пошел обратно, стараясь не расплескать.

– Вот, – сказал он, протягивая мне напиток. Чаша сверкала в его руках. – Выпей это. Где вы храните полотенца?

Я с подозрением приняла чашу.

– В ванной. Только не бери мамины белые хорошие. – Когда Роб ушел, я заглянула в крошечную чашу. Едва хватило бы на глоток, и на шампанское не похоже. Я надеялась увидеть шипучий белый или розовый игристый напиток. Жидкость в чаше была темно-красной – цвета крови. На поверхности клубился легкий пар.

– Что это?

Вернувшись из ванной с белым полотенцем, Робби закатил глаза.

– Обязательно обо всем спрашивать? Это поможет тебе забыть о боли. Просто выпей уже.

Сначала я принюхалась, ожидая услышать нотки роз, или ягод, или еще чего-то сладкого вперемешку с алкоголем.

Но она не пахла, вообще ничем.

Ох, ладно. Я подняла чашу в молчаливом тосте:

– С днем рождения меня!

Вино вызвало бурю ощущений. На вкус оно было ни о чем и обо всем. Вкус сумерек и тумана, лунного света и холода, пустоты и тоски. Комната закружилась, я откинулась на диван; крепкий напиток. Реальность расплывалась, окутывая меня мутной дымкой. Меня одурманило, захотелось спать.

Когда я пришла в чувство, Робби уже накладывал на рану повязку. Не помню, чтобы он обрабатывал или перевязывал мне ногу. Ощущение было заторможенное и растерянное, словно мысли накрыло одеялом, и сосредоточиться было трудно.

– Вот, – сказал Робби, вставая, – готово. Нога не должна отвалиться. – Он оценивающе оглядел меня с тревогой в глазах. – Как чувствуешь себя, принцесса?

– Э-э-э… – пробормотала я, пытаясь вытащить мозг из паутины дурмана. Я должна была вспомнить что-то важное. Почему Робби перевязал мне ногу? Я поранилась?

Я вскочила.

– Меня укусил Итан! – воскликнула я негодующе, разъяренная, и повернулась к Робби: – А ты… ты сказал, что это был не Итан! О чем ты говорил? Что

происходит?

– Расслабься, принцесса. – Робби бросил окровавленное полотенце на пол и плюхнулся на пуф для ног. Он вздохнул: – Надеялся, до этого не дойдет. Полагаю, это моя вина. Нельзя было оставлять тебя сегодня одну.

– О чем ты?

– Ты не должна была увидеть все это, – продолжил Робби, к моему полному замешательству. Казалось, он сам с собой разговаривает, явно не со мной. – Зрение у тебя всегда было ясное, разумеется. Все равно не ожидал, что решатся напасть на твою семью. Это все меняет.

– Роб, если не скажешь мне, что тут происходит…

Робби посмотрел на меня. В его глазах плясали озорные и дикие огоньки.

– Сказать? Уверена? – Голос его стал тихим и угрожающим, и у меня по спине пробежали мурашки. – Как только начнешь видеть, перестать уже не сможешь. Когда слишком много знаешь, можно и с ума сойти, такое уже бывало. – Он вздохнул и смягчился. – Не хочу, чтобы так было и с тобой, принцесса. Я могу заставить тебя все это забыть.

– Забыть?

Робби кивнул и поднял бутылку с вином.

– Это дурманящее вино, ты только что пила его. Одна чаша, и все станет как раньше. – Он держал бутылку на двух пальцах, балансируя ею и наблюдая, как она раскачивалась взад и вперед. – Одна чаша, и снова станешь нормальной. Забудешь про странное поведение брата, ничего необычного или ужасного не вспомнишь. Говорят, неведение – благо, так?

Тревога в груди сменялась гневом.

– Хочешь, чтобы я выпила эту… дрянь и просто забыла об Итане? Моем единственном брате? Ты это хочешь сказать?

Он приподнял брось.

– Ну, если так выразиться…

Ярость охватывала меня, отгоняя страх. Сжав кулаки, я ответила:

– Не стану я забывать Итана! Я же его сестра и должна заботиться о нем. Я не могу просто закрыть глаза и делать вид, что ничего не происходит, тем более если он в опасности. – Робби продолжал смотреть на меня пустым взглядом, и я нахмурилась. – Я знаю, что у тебя нет семьи, Роб, но неужели ты настолько бесчеловечный?

К моему удивлению, он расплылся в улыбке. Он уронил бутылку, поймал ее в воздухе и поставил на пол.

– Да, – сказал он очень мягко.

Это меня ошарашило.

– Что?

– Бесчеловечный, да, я такой. – Он продолжал ухмыляться, да так широко, что зубы блестели при тусклом свете. – Я предупреждал тебя, принцесса. Я не такой, как ты. Теперь и твой брат другой.

Не обращая внимания на страх, сковавший все мои внутренности, я наклонилась вперед.

– Итан? Что это значит? Что с ним не так?

– Это был не Итан. – Робби откинулся назад, скрестив руки на груди. – То, что на тебя сегодня напало, – это подменыш.

Глава 4

Пак

Я уставилась на Робби, гадая, не очередной ли это его розыгрыш. Он сидел и спокойно наблюдал за мной, за моей реакцией. Хоть он и улыбался, глаза его были серьезными и холодными. Он явно не шутил.

– П-подменыш? – наконец промямлила я. – Это же типа?..

– Фейри, – закончил за меня Робби. – Подменыши – это отпрыски фейри, которыми подменивают человеческих детей. Обычно это детеныш тролля или гоблина, хотя сиды – фейри из знати – тоже такое вытворяли. Твоего брата подменили. Это существо – такой же Итан, как и я.

– Ты спятил! – прошипела я. Если бы я не сидела на диване, то попятилась бы к выходу. – Или это просто очень неудачный розыгрыш. Хватит смотреть аниме, Роб. Фейри не существует.

Робби вздохнул.

– Неужели? И это все? Как предсказуемо. – Он откинулся и скрестил руки. – Я был о тебе лучшего мнения.

– Лучшего мнения? – закричала я, вскочив с дивана. – Послушай себя! Ты правда думаешь, я поверю, что мой брат – какой-то пикси с блестящей пыльцой и крыльями, как у бабочки?!

– Не глупи, – мягко ответил Роб. – Ты понятия не имеешь, о чем говоришь. Услышав фейри, люди сразу представляют себе Динь-Динь. Настоящие фейри совсем не такие. – Он замолчал на секунду. – Ну, кроме пикси, конечно, но это другое дело.

Я покачала головой, прогоняя рой терзающих меня мыслей.

– Мне сейчас не до этого, – пробурчала я, отступая назад. – Нужно проверить Итана.

Робби просто пожал плечами и, прислонившись к стене, закинул руки за голову. Последний раз взглянув на него, я побежала вверх по лестнице и открыла дверь в спальню Итана.

Там царил полный беспорядок; комната представляла собой зону боевых действий из сломанных игрушек, книг и разбросанных вещей. Я огляделась в поисках Итана, но комната оказалась пустой, и тут я услышала слабый скрежещущий звук под кроватью.

– Итан? – Опустившись на колени, я убрала сломанные игрушки и разбросанные деревянные кубики и заглянула под кровать. Там в тени виднелся маленький комочек, сжавшийся в углу спиной ко мне. Он дрожал.

– Итан? – позвала я ласково, – ты как, милый? Может, выйдешь на минутку? Я на тебя совсем не злюсь. – То была ложь, но я была скорее потрясена, чем рассержена. Мне хотелось потащить Итана вниз и доказать Робби, что он не тролль, не подменыш, или как он его там назвал.

Комочек слегка зашевелился, из-под кровати раздался голос Итана:

– Страшный дядя уже ушел? – спросил он слабым испуганным голосом. Я бы пожалела его, если бы не пульсирующая боль в ноге.

– Да, – солгала я, – ушел. Можешь выходить. – Итан не двинулся с места, и я не выдержала. – Итан, это смешно. Выходи уже, ладно? – Я просунула голову под кровать и потянулась к нему.

Итан повернулся и, зашипев, с горящими ярко-желтыми глазами бросился на мою руку. Я отшатнулась, и его острые, как у акулы, зубы клацнули с жутким щелчком. Итан зарычал, его кожа посинела, как у утопленника, оскаленные зубы блестели в темноте. Взвизгнув, я попятилась назад, болезненно наступая ладонями на кубики «Лего». Стукнувшись о стену, я вскочила на ноги и, развернувшись, выбежала из комнаты.

И налетела на Робби, стоявшего за дверью.

Он схватил меня за плечи, и я закричала и начала его лупить, с трудом осознавая, что делаю. Он молча вытерпел мою атаку, не выпуская меня, пока я наконец не уткнулась лицом ему в грудь. Он держал меня в объятиях, пока я рыдала от страха и гнева.

Наконец, слезы кончились, я была полностью истощена и выжата как лимон. Шмыгнув, я попятилась, вытирая ладонью глаза и дрожа. Робби по-прежнему был спокоен, его рубашка была влажной от моих слез. Комната Итана была закрыта, но за дверью слышались слабые удары и хихиканье.

Я вздрогнула и посмотрела на Робби.

– Итана правда нет? – прошептала я. – Не спрятался, а правда исчез?

Робби мрачно кивнул. Я смотрела на дверь в комнату брата, прикусив губу.

– Где он сейчас?

– Наверно, в Фейриленде – магической стране. – Он сказал это так просто, я чуть не прыснула со смеху от услышанной нелепости. Итана похитили фейри и заменили двойником. Моего брата похитили фейри. Мне захотелось ущипнуть себя, чтобы убедиться, что это безумный сон или галлюцинации. Может, я перебрала шампанского и сейчас просто лежу на диване пьяная? Поддавшись импульсу, я прикусила щеку. Острая боль и вкус крови подсказывали, что все реально.

Я взглянула на Робби, серьезное выражение его лица развеяло мои последние сомнения. К горлу подступала тошнота, мне стало плохо и страшно.

– Значит… – Я сглотнула, пытаясь успокоиться. Ладно, значит, Итана похитили фейри, придется смириться. – Что теперь делать?

Робби пожал плечом.

– Тебе решать, принцесса. Некоторые воспитывают подменышей как собственных детей и, как правило, не знают об их истинной природе. В общем, если его кормить и не беспокоить, он без проблем может прижиться в новом

доме. Первое время подменыши умеют доставляют неудобства, но большинство семей приспосабливается. – Робби усмехнулся скорее беззаботно, чем радостно. – Надеюсь, твои родители просто сочтут, что он так переживает переходный возраст.

– Робби, этот монстр укусил меня, и, скорее всего, из-за него мама поскользнулась на кухне и упала. Это не какая-то там неприятность, он опасен! – Я посмотрела на закрытую дверь Итана и вздрогнула. – Хочу, чтобы он исчез. Хочу вернуть своего брата. Как от него избавиться?

Робби стал серьезным.

– Есть несколько способов, – начал он, чувствуя себя неловко. – Один старый метод гласит, что можно сварить пиво или потушить мясо в яичной скорлупе, и тогда подменыш разговорится, мол, как же это странно. Но это работает на младенцах, поскольку они еще не умеют разговаривать; тогда родители понимают, что перед ними самозванец, и настоящие его родители вынуждены забрать его назад. Не думаю, что это сработает с детьми постарше, как твой брат.

– Отлично. Какие еще есть методы?

– Э-э-э… можно избить подменыша до смерти, пока на его крики не прибегут его родители и не вернут настоящего ребенка. Еще можно засунуть его в духовку и приготовить заживо…

– Хватит. – Меня мутило. – Не могу я этого сделать, Робби. Просто не могу. Должен быть другой способ.

– Ну… – Роб в нерешительности почесал затылок. – Единственный другой способ – это отправиться в мир фейри и вернуть его. Возвращение настоящего ребенка в дом заставит подменыша уйти. Но… – Он замолчал, словно хотел что-то сказать и вовремя спохватился.

– Но что?

– Ты не знаешь, кто его забрал. А без этого будешь просто ходить по кругу. Да будет тебе известно, ходить кругами в Фейриленде – плохая идея, очень плохая.

Я прищурилась.

– Я не знаю, кто его забрал, – согласилась я, пристально глядя ему в глаза, – но ты знаешь.

Робби нервно заерзал:

– Есть у меня одно предположение.

– Кто?

– Просто догадка, я могу ошибаться. Не спеши с выводами.

– Робби!

Он вздохнул:

– Неблагой Двор.

– Чего?

– Неблагой Двор, – повторил Робби. – Двор Мэб, Королевы Воздуха и Тьмы. Заклятые враги короля Оберона и королевы Титании. Очень могущественные и очень противные.

– Стой, стой, стой! – Я подняла руки в воздух. – Оберон? Титания? Типа как «Сон в летнюю ночь»? Это же древние мифы?

– Древние, да, – ответил Робби. – Мифы – нет. Повелители фейри бессмертны. Те, о ком слагают песни, баллады и повести, не умирают никогда. Вера, поклонение, воображение – мы рождены из снов и страхов смертных; и покуда нас помнят, хоть немногие, мы будем существовать всегда.

– Ты все время говоришь «мы», – отметила я. – Будто ты один из этих бессмертных фейри. Будто ты один из них. – Робби улыбнулся гордой озорной улыбкой и сглотнул. – Кто ты такой?

– Что ж, ладно. – Робби пожал плечами, пытаясь выглядеть скромно, но ему это не удалось. – Если ты читала «Сон в летнюю ночь», то можешь помнить меня. Там произошел такой совершенно незапланированный, весьма прискорбный инцидент, когда я заменил голову одного из персонажей ослиной головой, а потом сделал так, чтобы Титания влюбилась в него.

Я мысленно прокручивала пьесу в голове. Я прочла ее в седьмом классе, но большую часть уже позабыла. Там было много персонажей и так много имен; люди влюблялись и ненавидели так часто, что просто смешно. Несколько человеческих имен я все же вспомнила: Гермия, Елена, Деметрий; из фейри – Оберон, Титания…

– Вот черт, – прошептала я, откинувшись спиной к стене. Я взглянула на Робби по-новому. – Робби Плутфил. Робин… ты Плутишка Робин!

Робби усмехнулся:

– Зови меня Пак.

Пак. В моем доме был тот самый Пак.

– Не может быть, – прошептала я, качая головой. Это Робби, мой самый близкий друг. Я бы знала, если бы он был древним фейри. Ведь так?

Как бы пугающе ни было, чем больше я об этом думала, тем больше происходящее походило на правду. Я никогда не видела дом Робби или его родителей. Все учителя любили его, хотя он никогда не выполнял домашние задания и проспал большую часть занятий. А когда он был рядом, то происходили странные вещи: на парты запрыгивали мыши и лягушки, в контрольных работах менялись имена. Хоть Робби Плутфил и считал все это забавным, никто и никогда его не подозревал.

– Нет, – снова пробормотала я, пятясь к своей комнате. – Это невозможно. Пак – это легенда, миф. Я в такое не верю.

Робби улыбнулся жутковатой улыбкой:

– Ну тогда, принцесса, позволь мне тебя убедить.

Он раскинул руки в стороны, словно собираясь вспарить над землей. Входная дверь внизу скрипнула, и я надеялась, что это не мама с Люком.

«Да, мам, Итан превратился в монстра, а мой лучший друг считает себя фейри. Как прошел твой день?»

В коридор влетела огромная черная птица. Взвизгнув, я пригнулась, когда ворон (или ворона, без разницы!) полетел прямо к Робби и сел ему на руку.

Они оба смотрели на меня блестящими глазами, Робби ухмылялся.

Один порыв ветра, и внезапно коридор наполнился кричащими черными птицами, влетавшими через открытую дверь. Ахнув, я пригнулась, когда туча воронов с оглушающими хриплыми криками заполонила весь дом. Они кружили вокруг Робби, этакий смерч из хлопающих крыльев и острых когтей, цепляющийся за него. Перья разлетались во все стороны, Робби растворился в клубящейся массе. После чего все птицы, как одна, разбрелись и вылетели в открытую дверь, через которую прилетели. Когда из дома исчезла последняя птица, дверь за ней захлопнулась, и снова воцарилась тишина. Я затаила дыхание и взглянула на Роба.

Но его не было. Только клубок черных перьев и пыли там, где только что стоял мой друг.

Это уже слишком. Я чувствовала, что сознание мое разрывается на части, как лоскут ветхой ткани. Подавив крик, я повернулась и убежала в свою комнату, захлопнув за собой дверь. Забравшись под одеяло, я накинула подушку на голову, дрожа и надеясь, что, когда проснусь, все будет нормально.

Дверь открылась, послышался шорох крыльев. Я не хотела смотреть и только плотнее закуталась в одеяло, мечтая, чтобы все это закончилось. Я услышала вздох и шаги.

– Я пытался тебя предупредить, принцесса.

Я выглянула. Робби стоял, сочувственно глядя на меня. Увидев его, я испытала облегчение, злость и ужас одновременно. Я сбросила одеяло, села и, прищурившись, уставилась на него. Засунув руки в карманы джинсов, Робби словно ждал, что я снова начну спорить.

– Ты правда Пак? – наконец спросила я. – Тот самый Пак? Из сказок?

Робби, или Пак, слегка поклонился.

– Единственный и неповторимый.

Сердце колотилось в груди. Я глубоко вздохнула, чтобы успокоиться, и взглянула на незнакомца в моей комнате. Мысли и эмоции перемешались, я не понимала, что должна чувствовать. Выбрала гнев: Робби столько лет был моим лучшим другом, и никогда, ни разу не счел нужным поделиться со мной своей тайной.

– Мог бы и раньше мне рассказать! – выпалила я, стараясь не казаться обиженной. – Я бы сохранила твою тайну. – Робби только усмехнулся, приподняв бровь, тем самым рассердив меня еще больше. – Ну и прекрасно! Вали в свой Фейриленд или откуда ты там взялся. Ты же шут Оберона? Зачем торчал тут со мной столько времени?

– Обижаешь, принцесса. – Голос Робби звучал отнюдь не оскорбленным. – И это после того, как я решил помочь тебе вернуть братца.

Гнев уступил место страху. Со всеми этими разговорами о фейри и повелителях я совсем забыла об Итане.

Я вздрогнула; живот скрутило узлом. Все равно как будто страшный сон. Но Итан исчез, а фейри и правда существуют. Нужно это принять. Робби стоял, глядя на

меня выжидающе. Черное перо упало с его волос и спиралью спустилось на кровать. Я осторожно подняла его и повертела в пальцах.

– Поможешь мне? – прошептала я.

Окинув меня проницательным взглядом, он улыбнулся уголком рта.

– А ты разве знаешь, как попасть в Фейриленд?

– Нет.

– Значит, тебе понадобится моя помощь. – Робби улыбнулся, потирая руки. – К тому же я давно не был дома, а здесь все тихо. Штурм Неблагого Двора – звучит весело.

Я не разделяла его энтузиазма.

– Когда отправляемся? – спросила я.

– Сейчас, – ответил Робби. – Чем скорее, тем лучше. Возьмешь с собой что-нибудь, принцесса? Можешь не скоро вернуться.

Я кивнула, стараясь сохранять спокойствие.

– Дай мне минутку.

Робби кивнул и вышел в коридор. Я схватила свой ярко-оранжевый рюкзак и бросила его на кровать, размышляя, что же взять. Что может понадобиться в ночной поездке в Фейриленд? Я собрала джинсы и запасную рубашку, фонарик и баночку аспирина и запихнула все в рюкзак. Спустившись на кухню, взяла «Кока-колу» и пару пачек чипсов, надеясь, что Робби знает, где можно будет достать еду. Наконец, телефон – сунула в передний карман.

«Сегодня мама должна была отвезти меня за правами».

Я колебалась, прикусив губу. Что подумают мама с Люком, когда обнаружат, что я ушла? Я всегда была правильной, никогда не сбегала – не считая того случая с Робби однажды, всегда ложилась вовремя. Интересно, что Робби имел в виду, говоря, что вернусь не скоро? Люк мог и не заметить, что я ушла, но мама будет волноваться. Взяв лист с домашним заданием, я собралась написать для нее короткую записку, но рука замерла в воздухе.

«Ну и что ты ей скажешь? “Дорогая мама, Итана похитили фейри. Я отправилась за ним. И да, кстати, не доверяй Итану, который наверху – на самом деле он подменыш фейри”.» Даже для меня это звучало безумно. Поразмыслив, я написала:

«Мам, мне нужно решить одно дело. Скоро вернусь, обещаю. Прошу, не волнуйся за меня. Меган».

Я повесила записку на холодильник, стараясь не думать о том, что могу никогда больше не вернуться домой. Забросив рюкзак на плечи, чувствуя, как сжимается все внутри, я поднялась по лестнице.

Робби стоял на площадке, скрестив руки на груди и лениво ухмыляясь.

– Готова?

Меня терзало мрачное предчувствие.

– Там очень опасно?

– О, чрезвычайно опасно! – ответил Робби, подходя к комнате Итана. – В том-то и вся прелесть. Столько разных способов умереть: тебя могут пронзить хрустальным мечом, келпи может утащить под воду и съесть; могут превратить в паука или розовый куст до скончания веков. – Он оглянулся на меня. – Так что, идешь?

Я заметила, что мои руки дрожат, и прижала их к груди.

– Зачем ты мне это рассказываешь? – прошептала я. – Хочешь меня напугать?

– Да, – невозмутимо ответил Робби. Остановившись у двери, он взялся за дверную ручку и пристально посмотрел на меня. – Это то, с чем тебе придется столкнуться, принцесса. Я пытаюсь честно тебя предупредить. По-прежнему хочешь идти туда? Предыдущее предложение еще в силе.

Я вспомнила вкус дурманящего вина, отчаянно желая выпить еще, и поежилась.

– Нет, – быстро ответила я. – Я не оставлю Итана с кучкой монстров. Я уже потеряла отца, не хочу потерять и брата.

И тут мне в голову пришла мысль – такая, отчего дыхание перехватило. И как я раньше не подумала? Папа. Сердце забилось сильнее, вспомнились полузыбытые сны, в которых отец исчезал в пруду и больше не возвращался. Что если его похитили фейри? Я могла бы найти и Итана, и папу и вернуть их обоих домой!

– Пойдем, – требовательно позвал Робби, смотря мне в глаза. – Мы немало времени здесь потеряли. Если решилась, то давай скорее покончим с этим.

Робби смотрел на меня, и на лице его мелькнуло странное выражение. На мгновение мне показалось, что он хотел что-то сказать, но затем встряхнулся, словно выходя из раздумий, и это мгновение улетучилось.

– Хорошо. Не говори потом, что я не предупреждал. – Он усмехнулся, глаза его сверкнули ярче. – Перво-наперво нужно найти вход в Небыль – то, что ты называешь Фейрилендом. Туда просто так пешком не попадешь, вход обычно надежно спрятан. К счастью, я хорошо знаю, где именно. – Усмехнувшись, он отвернулся и постучал в дверь Итана. – Тук-тук! – пропел он.

На секунду воцарилась тишина, затем раздался глухой удар и грохот, будто в дверь что-то швырнули.

– Уходи! – прорычал голос за дверью.

– Нет-нет, всю шутку испортишь, – отозвался Роб. – Я говорю: «Тук-тук!», а ты должен ответить: «Кто там?»

– Отвали!

– Не-а, опять неправильно! – Робби казался невозмутимым, а вот я ужаснулась словам Итана, хоть и понимала, что это не он. – Давай, – продолжил Роб любезно, – начну все сначала, чтобы ты понял, как нужно отвечать. – Откашлявшись, он опять постучал в дверь: – Тук-тук! – проревел он. – Кто там? Пак. Какой Пак? Тот, кто превратит тебя в визжащего поросенка и запечет в духовке, если не уйдешь с дороги! – И с этими словами он распахнул дверь.

Тварь, похожая на Итана, стояла на кровати, держа в каждой руке по книге. Шипя, он швырнул их в нас. Робби увернулся, а вот мне книга в мягкой обложке прилетела живот, и, скорчившись, я хмыкнула.

– Прошу, – пробормотал Роб, и воздух вокруг задрожал. Внезапно все книги в комнате, с полок и с пола, захлопнулись, поднялись в воздух и начали бомбить Итана, как стая разъяренных чаек. Я молча наблюдала за тем, как моя жизнь с каждой секундой становится все более абсурдной и невероятной. Самозванец Итан шипел и рычал, отбиваясь от жужжащих вокруг него книг, пока наконец одна из них не стукнула его по лицу и он свалился на пол. Яростно отплевываясь, он бросился под кровать, царапая когтями деревянный пол.

Робби покачал головой:

– Дилетанты, – вздохнул он. Книги, летавшие по комнате, замерли в воздухе и с грохотом упали на пол. – Пойдем, принцесса.

Встряхнувшись, я переступила через кучи книг и подошла к Робби.

– Ну и, – осмелилась я заговорить, стараясь казаться непринужденной, будто левитирующие книги и фейри – повседневная обыденность, – где этот вход в Фейриленд? Надо сотворить волшебное кольцо или прочитать заклинание?

Робби хмыкнул.

– Не совсем, принцесса. Не усложняй. Дверь в Небыль обычно появляется там, где в нее искренне верят, где есть место творчеству и воображению. Обычно

такую можно найти в детском шкафу или под кроватью.

«Ушастик боится человека в шкафу».

Я вздрогнула, мысленно прося прощения у брата. Когда найду его, обязательно скажу ему, что тоже верю в чудовищ.

– Значит, шкаф, – пробормотала я и, переступая через книги и игрушки, направилась к шкафу. Трясущейся рукой я взялась за ручку.

«Пути назад нет», – сказала я себе и открыла дверцу.

Шкаф распахнулся, и на меня уставилось высокое, чахлого вида существо с длинным истощенным лицом и запавшими глазами. Худое, как щепка, в облегающем черном костюме и с котелком на голове. Оно уставилось на меня широко раскрытыми глазами; бескровные губы растянулись в гримасе, обнажив тонкие острые зубы. Я с воплем отскочила.

– Мой шкаф! – прошипела тварь, протягивая руку, похожую на лапу паука, и хватаясь за дверную ручку. – Мой шкаф! Мой! – И с грохотом захлопнула дверь.

Робби раздраженно вздохнул, когда я спряталась за ним; сердце металось по грудной клетке, как перепуганная летучая мышь.

– Ох уж эти буги, – пробурчал он, качая головой. Он подошел к шкафу, трижды постучал и открыл его.

В этот раз там было пусто, если не считать рубашек на вешалках, сложенных коробок и обычного хлама. Робби отодвинул одежду, обошел коробки и приложил руку к стене, проводя пальцами по дереву. Снедаемая любопытством, я подошла ближе.

– Где ты? – пробормотал он, ощупывая стену. Я подкралась к двери и заглянула Робу через плечо. – Я знаю, что ты здесь. Где?.. Ага!

Присев на корточки, он набрал полные легкие воздуха и подул на стену. Внезапно вокруг него поднялось облако сверкающей оранжевым светом пыли.

Когда он выпрямился, я увидела на задней стене шкафа золотистую дверную ручку и едва уловимое очертание двери, сквозь нижнюю щель которой пробивался тусклый луч света.

– Давай, принцесса. – Роб повернулся и поманил за собой. В темноте его глаза светились зеленым светом. – Нам сюда. Твой билет в одну сторону в Небыль.

Я медлила, ожидая, пока мой пульс замедлится до частоты, хоть отдаленно похожей на нормальную. Тщетно.

«Это безумие», – шептала крошечная испуганная часть меня. Кто знает, что ждет нас за этой дверью, какие ужасы таятся во мраке? Я могу больше никогда не вернуться домой. Это был последний шанс повернуть назад.

«Нет, – сказала я себе, – нельзя. Итан где-то там, и он рассчитывает на меня». Сделав глубокий вдох, я шагнул вперед.

Внезапно из-под кровати показалась морщинистая рука и вцепилась мне в щиколотку. Итан яростно дернул меня за ногу, и я едва не упала; из темноты под кроватью эхом отозвалось рычание. Вскрикнув, я вырвалась из цепкой хватки и вслепую влетела в шкаф, захлопнув за собой дверь.

Глава 5

Небыль

Оказавшись в затхлой темноте в шкафу Итана, я прижала руку к груди, снова ожидая, когда сердцебиение вернется в норму. Вокруг была кромешная тьма, и лишь тонкая прямоугольной формы полоска света виднелась впереди в дальней стене шкафа. Робби не было видно, но я чувствовала, что он рядом, слышала его тихое дыхание.

– Готова? – прошептал он мне на ухо, обдавая мою кожу теплых дыханием. И не успела я ответить, как он открыл скрипящую дверь в Небыль.

Шкаф наполнился бледным серебристым светом. Поляна за дверью была окружена огромными деревьями, такими густыми, что сквозь их ветви и неба не разглядеть. По земле стелился клубящийся туман; лес был темным и неподвижным, словно погруженный в вечные сумерки. Тут и там сквозь серость прибивались яркие цветные точки. В тумане нежно колыхались цветы с лепестками ярко-синего цвета с серым отливом. Вокруг ствола умирающего дуба вилась лиана, длинные красные шипы которой резко выделялись на фоне дерева, которое она убивала.

В шкаф залетел теплый ветерок, принося с собой невероятное разнообразие ароматов: перетертых листьев и корицы, дыма и яблок, свежей земли, лаванды и едва уловимый неприятный запах гнили и разложения. На мгновение я почувствовала резкий запах металла, меди и чего-то отдаленного похожего на гниль, но при следующем же вздохе он исчез. Над головой роились тучи насекомых, а если прислушаться, мне казалось, можно было услышать пение. Поначалу лес казался неподвижным, но я уловила движение в глубокой тени ветвистых деревьев и услышала шелест листьев вокруг. Казалось, со всех сторон меня пронизывали невидимые глаза.

Робби, чьи волосы теперь были огненного цвета, шагнул вперед, огляделся и засмеялся.

– Дом! – Он вдохнул полной грудью и широко раскинул руки, будто хотел обнять это место. – Наконец-то я дома! – Смеясь, он закружился и, плюхнувшись на спину и растворившись в тумане, принялся рисовать снежного ангела.

Сглотнув, я осторожно шагнула вперед. В ногах, словно живое существо, струился туман, лаская кожу влажными щупальцами.

– Роб?

Тишина словно насмехалась надо мной. Краем глаза я уловила, как среди деревьев мелькнуло что-то крупное и белое.

– Роб? – Снова позвала я, шагая туда, где он упал. – Где ты, Робби?

– Бу! – Роб появился за спиной, поднимаясь из тумана, как вампир из гроба. Сказать, что я закричала, – ничего не сказать.

– Нервничаем сегодня, а? – Робби рассмеялся и отбежал раньше, чем я успела его придушить. – Пора переходить на кофе без кофеина, принцесса. Если будешь кричать каждый раз, когда кто-то выскакивает и кричит «бу!», то вымотаешься раньше, чем дойдем до опушки леса.

Он изменился. Вместо джинсов и потрепанной футболки на нем теперь были темно-коричневые брюки и теплая зеленая кофта с капюшоном. Сквозь туман сложно было разглядеть его ноги, но, похоже, он сменил кроссовки на мягкие кожаные сапоги. Черты лица стали стройнее, резче, скулы – более острыми. С ярко-рыжими волосами и зелеными глазами, он походил на лиса.

Но что больше всего бросалось в глаза, так это его уши. Изящные и заостренные, они выступали как… ну, как у эльфа. И в этот момент от Робби Плутфила не осталось и следа. Мальчик, которого я знала почти всю свою жизнь, исчез, словно никогда и не существовал, и остался только Пак.

– В чем дело, принцесса? – Пак зевнул, выразительно потягиваясь. Мне показалось, или он стал выше? – Друга потеряла?

Я проигнорировала его вопрос.

– Как ты это сделал? – спросила я, желая сменить тему. – Ну, в смысле, одежда, она другая. И книги летали по комнате. Это что, волшебство?

Пак ухмыльнулся.

– Чары, – ответил он, будто мне это о чем-то говорило. Я нахмурилась, и он вздохнул. – Времени переодеться у меня не было, а мой повелитель Оберон не одобряет одежду смертных при Дворе. Так что я использовал чары, чтобы принять презентабельный вид. Точно так же я использую его, чтобы принимать человеческий облик.

– Погоди минутку… – Я вспомнила разговор, услышанный во сне, между Робби и медсестрой. – Там, дома, есть и другие… такие, как ты, фейри? Прямо у всех под носом?

Пак наградил меня ну очень неестественной улыбкой.

– Мы повсюду, принцесса, – решительно ответил он. – Под кроватью, на чердаке, проходим мимо на улице. – Он улыбнулся еще шире, по-волчьи. – Чары питаются мечтами и воображением смертных. Писатели, художники, мальчишки, изображающие рыцарей, – фейри тянутся к ним, как мотыльки к огню. Как думаешь, почему у многих детей есть воображаемые друзья? Даже у твоего брата такой был. Ушастик, кажется? Хотя это не настоящее его имя. Жаль, что подменыш его прикончил.

Желудок сжался в комок.

– И… и вас нельзя увидеть?

– Мы невидимы. Или используем чары, чтобы скрыть нашу истинную природу. – Пак прислонился к дереву, закинув руки за голову, как делал обычно Робби. – Не смотри на меня так, принцесса. Смертные достигли совершенства в искусстве не видеть того, чего не ожидают увидеть. Хотя иногда встречаются способные видеть сквозь туман и чары. Как правило, это очень особенные люди – чистые душой, наивные мечтатели, – такие еще больше привлекают фейри.

– Как Итан, – пробормотала я.

Пак странно на меня посмотрел, ухмыляясь уголком рта.

– Как ты, принцесса. – Казалось, он хочет что-то добавить, но потом где-то в темной гуще леса треснула ветка.

Он резко выпрямился.

– Упс, нам пора. Задерживаться на одном месте опасно, можно привлечь ненужное внимание.

– Что? – воскликнула я, когда он зашагал по поляне, двигаясь грациозно, как олень. – Ты вроде сказал, это твой дом?

– Небыль – это дом всех фейри, – объяснил Пак, не оглядываясь. – Она разделена на территории, точнее, Дворы. Благой Двор – владения Оберона, а Мэб правит Неблагими землями. Как правило, во Дворе запрещено мучить, калечить или

убивать другого фейри без разрешения правителя. Однако, – продолжил он, оглядываясь на меня, – в данный момент мы находимся на нейтральной территории, в землях диких фейри. Здесь, как вы, люди, выражаетесь, наплевать на правила. Сюда кто-то идет, и это может быть стадо сатиров, которые заставят танцевать до изнеможения, а потом изнасилуют нас по очереди; или стая захудалых волков, готовых разорвать нас на части. В любом случае, не думаю, что тебе здесь понравится.

Живот скрутило, и я тяжело сглотнула.

– Роб, ты пугаешь меня.

– Хорошо, этого я и добивался.

Мне снова стало страшно. Казалось, страх ни на минуту меня не покидал. Я не хотела находиться здесь, в жутком лесу, с этим человеком, которого, как оказалось, я совсем не знала. Мне хотелось домой. Только вот дом теперь стал пугать не меньше, чем Небыль. Я чувствовала себя потерянной и преданной, чужой в этом мире, который желал мне зла.

«Итан, – напомнила я себе, – ты делаешь это ради Итана. Найдешь его и вернешься домой. И все станет нормальным».

Шорох и хруст веток становились все громче; кто бы там ни был, он приближался.

– Принцесса! – рявкнул Пак прямо возле меня. Я подпрыгнула, с трудом подавляя крик, когда он схватил меня за руку. – Эти твари унюхали нас и идут за нами. – Говорил он обыденным голосом, но в его глазах я уловила тревогу. – Если не хочешь, чтобы твой первый день в Небыли стал последним, предлагаю двигаться дальше.

Оглянувшись, я увидела, что дверь, через которую мы сюда попали, стоит прямо посреди поляны.

– Мы сможем вернуться домой через эту дверь? – спросила я, когда Пак потащил меня за собой.

– Не-а. – Когда я в ужасе уставилась на него, он пожал плечами. – Ну нельзя же, чтобы двери стояли на одном месте, принцесса. Не волнуйся. Помни, у тебя есть я. Найдем дорогу домой, когда придет время.

Мы побежали к краю поляны, прямо в густые кустарники с крючкообразными желтыми шипами длиною с палец. Я напряглась, уверенная, что нас искромсает, но, когда мы приблизились, ветки затрепетали и расступились, открывая для нас тропу, узкой лентой петляющую среди деревьев. Как только мы ступили на тропу, кусты за спиной снова соединились, скрывая наши следы и прикрывая тыл.

Мы брели не один час, по крайней мере, мне так казалось. Пак шел ровным шагом, не спеша и не сбавляя темп, и постепенно звуки преследователей стихли. Иногда тропа разделялась, предлагая разные пути, но Пак каждый раз без колебаний выбирал направление. Неоднократно я краем глаза улавливала движение – мелькавшую в кустах вспышку света или силуэт среди деревьев, но стоило мне повернуться, как все исчезало. Один раз, готова поклясться, я услышала музыку или пение, но, конечно, стоило мне прислушаться, как звуки пропали. Мрачный свет леса не тускнел и ярче не становился, а когда я спросила Пака, когда же наступит ночь, он, приподняв бровь, сказал, что ночь придет, когда будет готова.

Я с раздражением поглядывала на часы, гадая, сколько мы уже прошли. Меня ждал неприятный сюрприз – часы остановились. Либо батарейка села, либо что-то другое обездвижило стрелки.

«Или в этом месте времени не существует».

Не знаю почему, но меня это сильно расстроило.

К тому времени, как наконец стали опускаться сумерки, у меня болели ноги, желудок сводило от голода, а пятки просто горели от усталости. Пак остановился и посмотрел на небо, откуда над верхушками деревьев мерцала луна, да так близко, что можно было разглядеть кратеры на ее поверхности.

– Думаю, пора устроить привал, – предложил Пак неохотно, искоса улыбнувшись мне, когда я рухнула на покрытое плесенью бревно. – Мы же не хотим, чтобы ты забрела на пляшущий холм или нырнула за белым кроликом в темную нору.

Пойдем, знаю тут одно местечко, где можно спокойно поспать.

Пак взял меня за руку и помог встать. Мои конечности протестующе заныли, хотелось сесть обратно. Меня полностью покинули силы, я стала капризной, и меньше всего мне хотелось куда-то идти. Осмотревшись, я разглядела сквозь рощу небольшой красивый пруд. Вода мерцала при лунном свете, и я остановилась, завороженная зеркальной поверхностью.

– Может, устроимся на ночь там? – спросила я.

Пак взглянул на пруд, поморщился и потащил меня дальше.

– О нет, – быстро ответил он. – Слишком много всякой нечисти кроется под водой – келпи, глаштиги[1 - Глаштиг, или глайстиг (англ. Glaistig) – шотландский водяной дух, чаще всего описываемый как наполовину женщина, наполовину коза; то враждебный, то дружелюбный.], русалки и все такое. Лучше не рисковать.

Оглянувшись, я увидела, как водную гладь прорезала всплывшая темная фигура, посылая рябь по всей поверхности. Лошадиная голова, угольно-черная и гладкая, как тюленья шкура, зловеще смотрела на меня белыми глазами. Вскрикнув, я поспешила за Паком.

Через несколько минут мы подошли к огромному сучковатому дереву с широким стволом. Шершавые и узловатые бугры на коре походили на выглядывающие из ствола лица. Это зрелище напоминало морщинистых старичков, карабкающихся друг на друга и возмущенно размахивающих руками.

Пак опустился на колени между корнями и постучал по стволу. Я заглянула ему через плечо и вздрогнула, увидев у самого основания дерева крошечную дверь, от силы тридцать сантиметров в высоту. Пока я смотрела, уставившись, как истукан, дверь со скрипом отворилась, и из нее, подозрительно озираясь, выглянула голова.

– А? Кто там? – спросил грубый скрипучий голос. Лицо маленького человечка напоминало грецкий орех; волосы были как пучок торчащих из головы веток. На нем оказалась коричневая туника и такие же коричневые обтягивающие штаны; выглядел он как ожившая палка, выдавали его только глаза, черные и

блестящие, как у жука.

– Добрый вечер, Прутик, – вежливо поздоровался Пак.

Прутик моргнул, покосившись на человека, нависшего над ним.

– Плутишка Робин? – наконец пискнул он. – Давно тебя в этих краях не видал. Что привело тебя к моему скромному жилищу?

– Долг службы, сопровождаю кое-кого, – ответил Пак, отойдя в сторону, чтобы Прутик мог меня разглядеть. Глаза-бусинки смотрели на меня, смущенно моргая, затем внезапно округлились, и человечек снова взглянул на Пака.

– Это?.. Это?..

– Да.

– А она?..

– Нет.

– О боги! – Прутик широко распахнул дверь и поманил рукой-палочкой. – Входите, входите. Быстро, ну же! Пока дриады, глупые болтушки, вас не увидели. – Он исчез внутри, и Пак повернулся ко мне.

– Да я ни за что туда не пролезу, – сказала я ему прежде, чем он успел сказать хоть слово. – Как я протиснусь? Дашь мне волшебную поганку, которая уменьшит меня до размера осы? Да я б и не стала такое есть. Знаешь, я вообще-то смотрела «Алису в стране чудес».

Улыбаясь, Пак взял меня за руку.

– Закрой глаза, – сказал он, – и просто шагни вперед.

Я так и сделала, ожидая, что по милости Робби стукнусь носом о дерево. Когда ничего такого не произошло, я хотела было подглядеть, но передумала. Вокруг

стало тепло, за спиной захлопнулась дверь, и Пак сказал, что можно открывать глаза.

Я стояла посреди уютной круглой комнаты, стены которой были сделаны из красного дерева, а пол застелен мшистым ковром. В центре комнаты стоял плоский камень на трех пнях, служивший столом, а на нем лежали ягоды размером с футбольный мяч. На дальней стене висела веревочная лестница, и когда я перевела на нее взгляд, то чуть не потеряла сознание. Высоко над нами десятки насекомых ползали по стенам или парили в воздухе, ствол дерева был полым и простирался ввысь настолько, что конца не видать. Жуки были размером с кокер-спаниеля, а их хвосты светились люминесцентным желто-зеленым светом.

– Я смотрю, Прутик, ты ремонт сделал, – отметил Пак, сев на сверток из меха, служивший диваном. Приглядевшись, я увидела, что шкура цельная, вместе с беличьей головой, и отвернулась, пока, чего доброго, не стошнило. – Когда я был здесь последний раз, это место было простой дырой в дереве.

Прутик выглядел довольным. Теперь он был с нами одного роста – хотя на самом деле скорее мы уменьшились до его размеров; вблизи от него пахло кедром и мхом.

– Да, я очень привязался к нему, – ответил Прутик, подходя к столу. Он взял нож и, разрезав ягоду на три части, разложил кусочки на деревянных тарелках. – Тем не менее, возможно, вскоре мне придется переехать. Дриады нашептывают, что темные дела творятся. Рассказывают, дикий лес местами умирает с каждым днем все больше и больше. Никто не знает, что стало тому причиной.

– Ты знаешь, в чем причина, – сказал Пак, накидывая беличий хвост себе на колени. – Все мы знаем. Ничего нового.

– Нет. – Прутик покачал головой. – Небыль всегда исчезала понемногу из-за неверия смертных, но не так. Это… другое. Сложно объяснить. Поймешь, что я имею в виду, когда пойдете дальше.

Он протянул нам по тарелке с огромным куском красной ягоды, половиной желудя и кучей чего-то, напоминавшего пропаренные белые личинки. Несмотря на все странности сегодняшнего дня, после стольких часов ходьбы я жутко

проголодалась. Ягода оказалась терпкой и сладкой, а вот червообразную кашицу я оставила Паку. После ужина Прутик подготовил мне постель из беличьих шкур и бурундучьего меха, и я уснула моментально.

Той ночью мне приснился сон.

В моем доме было темно и тихо, гостиная утопала во мраке. Бегло взглянула на настенные часы – 3:19 утра. Я прошла через гостиную мимо кухни и поднялась наверх. Дверь моей комнаты была закрыта, и я услышала, что в спальне родителей Люк храпит, как медведь гризли; дверь в комнату Итана в конце коридора была открыта. Я подошла и заглянула внутрь.

Там стоял незнакомец: высокий, худощавый, одетый во все серое и черное. Юноша, возможно, чуть старше меня, хотя возраст определить было сложно. Внешне он казался молодым, но то, как неподвижно и спокойно он стоял, намекало на куда более зрелый возраст и предвещало опасность. Удивленная, я узнала в нем юношу на лошади, наблюдавшего за мной из лесу. Почему он здесь, в моем доме? Как он вообще сюда попал? Я подумывала подойти к нему, зная, что это всего лишь сон, как вдруг заметила кое-что еще, отчего кровь застыла в жилах. Из-под густых, как крылья ворона, волос, спадавших ему на плечи, торчали изящные, заостренные уши.

Он не был человеком. Он был одним из них, фейри. В моем доме, в комнате брата. Вздрогнув, я медленно попятилась по коридору.

Незнакомец обернулся, глядя сквозь меня, и я бы ахнула, если бы могла вдохнуть. Он был великолепен. Более того – он был невероятно красив. Величественно прекрасный, как принц-чужестранец. Если бы он вошел в мой класс во время экзаменов, все бросились бы к его ногам. И все же это была холодная, суровая красота, как у мраморной статуи, нечеловеческая и сверхъестественная. Его миндалевидные глаза под длинной косой челкой блестели, как осколки стали.

Подменыша нигде не было видно, но из-под кровати раздавались слабые звуки – стук быстро бьющегося сердца. Похоже, юноша-фейри этого не заметил. Повернувшись, он положил руку на дверцу шкафа, проводя пальцами по выцветшему дереву. Едва заметная улыбка коснулась его губ.

Одним плавным движением он толкнул дверь и вошел. Дверь закрылась за ним с мягким щелчком, и он исчез.

Я осторожно подошла к шкафу, наблюдая, чтобы из-под кровати никто не выскочил. Я слышала приглушенное сердцебиение, но ко мне никто не тянулся. Я беспрепятственно прошла через всю комнату, как можно тише взялась за ручку двери, повернула и открыла.

– Мой шкаф! – завизжал человек с котелком на голове, выпрыгивая на меня. – Мой!

Резко вздохнув, я проснулась, дико озираясь по сторонам, не понимая, где я. Сердце колотилось, лоб покрылся холодным и липким потом. В голове плясали сцены из яркого кошмара: Итан нападает на меня, Робби заставляет книги летать по комнате; портал в новый жуткий мир.

Внимание привлек громкий храп, и я обернулась. Пак лежал на кушетке напротив, закрыв глаза одной рукой, укутавшись беличьим одеялом.

Сердце сжалось, когда я все вспомнила. Это не кошмарный сон. Мне не приснилось, нет. Итан действительно пропал, а его место занял настоящий монстр. Робби был фейри. А я отправилась вглубь Небыли в поисках брата, хотя понятия не имела, где его искать.

Я лежала на спине и дрожала. В доме Прутика было темно; светлячки, или кем бы они ни были, перестали мерцать и теперь просто висели на стенах, вцепившись в кору, и, очевидно, спали. Только за окном мерцал одинокий оранжевый огонек. Может, Прутик зажег на крыльце свет?

Я вскочила. Этот свет исходил от пламени свечи, а снаружи в комнату вглядывалось чье-то лицо. Я открыла было рот, чтобы позвать Пака, но голубые глаза посмотрели на меня, и я узнала до боли знакомое лицо, отступившее в ночь.

Итан.

Я выбралась из постели и зашагала к выходу, не удосужившись обуться. Фыркнув, Пак заерзал на меховой куче, но я не обратила на него внимания. Там был Итан! Надо догнать его, и тогда сможем уйти домой и забыть о существовании этого кошмарного мира.

Я дернула за дверь и вышла, оглядывая лес в поисках брата. Только позже я осознала, что стала нормального роста, а дверь осталась с тридцать сантиметров в высоту. Все мои мысли были охвачены Итаном и тем, как вернуть нас домой.

Меня встретила кромешная тьма, но вдалеке мерцало оранжевое сияние, подпрыгивая и постепенно удаляясь.

– Итан! – позвала я, и голос мой эхом разошелся по округе. – Итан, постой!

Я побежала, шлепая босиком по листьям и веткам, поскальзываясь в грязи и на камнях. Пальцем ноги я задела что-то острое, но боли не ощутила. Я видела его: маленький силуэт, протискивавшийся между деревьями со свечой в руке. Я бежала так быстро, как только могла; ветки царапали кожу, цеплялись за волосы и одежду, но казалось, он только отдаляется.

Внезапно Итан остановился и, обернувшись, ухмыльнулся; жуткий мерцающий свет падал ему на лицо. Я побежала что есть мочи, он был всего в нескольких метрах от меня, как вдруг земля под ногами провалилась. Вскрикнув, я рухнула, как камень, и с плеском плюхнулась в ледяную пучину. Вода тут же сомкнулась над головой, заливая нос и рот. Задыхаясь, я выбралась на поверхность; лицо щипало, руки и ноги постепенно немели. Сверху раздалось хихиканье, над головой парил светящий шар. На мгновение он повис, словно радуясь моему затруднительному положению, затем умчался прочь меж деревьев, эхом разнося пронзительный смех.

Барахтаясь в воде, я огляделась. Илистый берег, скользкий и коварный, был высоко. Над водой свисали несколько старых деревьев, но их ветви были слишком высоко, не дотянуться. Я цеплялась руками за берег, пытаясь выбраться, но ноги заскользили в грязи, а растения, за которые я ухватилась, вырвались с корнями, и я громко плюхнулась в воду. Придется найти другой выход.

И тут я услышала еще один всплеск поодаль от меня и поняла, что я не одна.

Лунный свет освещал водную гладь, раскрашивая все кругом серебристыми и черными тенями. Ночь была очень тихой, лишь жужжание насекомых нарушало тишину. На противоположной стороне озера светлячки танцевали и кружились над поверхностью, светясь розовым и синим, а не привычным желтым. Может, плеск воды мне только послышался? Казалось, все спокойно, только какое-то дряхлое бревно плыло в мою сторону.

Сморгнув, я пригляделась. Это бревно вдруг стало очень походить на голову лошади, наполовину скрытую под водой; если, конечно, лошадь умела плавать, как аллигатор. Затем я разглядела мертвые белые глаза, острые блестящие зубы, и, словно черная волна, во мне поднималась паника.

– Пак! – закричала я, цепляясь за илистый берег, грязь валилась комьями. Стоило мне найти опору, как я тут же соскальзывала обратно. Я чувствовала, что тварь приближалась. – Пак, помоги!

Я огляделась. Лошадь была всего в нескольких метрах от меня; она плыла, высунув шею из воды и обнажив полный рот иглоподобных зубов.

«Боже, я умру! Эта тварь сожрет меня! Кто-нибудь, помогите!»

Я отчаянно цеплялась за берег и наконец нащупала прочную ветку. Схватив ее, я потянулась и почувствовала, как она вытаскивает меня из воды как раз в тот момент, когда чудовищная лошадь с ревом бросилась на меня. Она стукнулась влажным твердым носом мне в пятку, сомкнув челюсти со злобным щелчком. Ветка, задыхаясь и кашляя, швырнула меня на берег, а лошадь снова ушла под воду.

Пак нашел меня через несколько минут: свернувшуюся клубком вдали от берега, промокшую до нитки и дрожащую, как осиновый лист. В его глазах смешались сочувствие и гнев.

– Ты как? – Он погладил мои руки, дабы убедиться, что я цела и невредима. – Слышишь меня, принцесса? Поговори со мной.

Я кивнула, дрожа:

– Я видела… Итана, – пробормотала я, пытаясь разобраться. – Побежала за ним, но он превратился в световой шар и улетел, а потом эта лошадь пыталась меня съесть… – Я замолчала. – Это был не Итан, да? Очередной фейри, играющий на моих чувствах? А я и попалась.

Пак вздохнул и повел меня по тропе обратно.

– Да уж, – пробурчал он, оглядывая меня. – Блуждающие огоньки, они такие; заставляют увидеть то, что хочешь, а потом сбивают с пути. Хотя этот оказался особенно злобным, если повел тебя прямо в пруд к келпи. Я бы посоветовал тебе никогда не бродить одной, но ты же меня не послушаешь. О, какого черта? – Он остановился и развернулся. – Не уходи никуда одна, принцесса! Ни при каких обстоятельствах, понятно? В этом мире ты для них как игрушка или легкая закуска. Помни об этом!

– Ага, – пробормотала я. – Да, теперь поняла.

Мы продолжили путь. Двери в дереве с узловатой корой уже не было, но кроссовки и рюкзак лежали на земле – явный признак того, что наше пребывание в гостях закончилось. Дрожа всем телом, я надела кроссовки на окровавленные ноги, ненавидя этот мир и все в нем, мечтая вернуться домой.

– Что ж, – начал Пак как-то слишком весело, – если наигралась с блуждающими огоньками и келпи, думаю, надо идти дальше. О, только предупреди меня, когда в следующий захочешь выпить чаю с людоедом. Прихвачу дубинку.

Я бросила на него ядовитый взгляд, а Пак лишь усмехнулся в ответ. Небо над головой постепенно светлело, озаряя этот мир жуткими сумерками, тихими и неподвижными, как смерть, пока мы углублялись в Небыль.

Глава 6

Дикая охота

Мы продвинулись не так далеко в лес, когда впервые наткнулись на отпечаток смерти.

Дикий лес был жутким и тихим местом, но тем не менее живым. Древние деревья стояли высоко и горделиво, растения цвели, пробиваясь яркими пятнами сквозь серость леса, символизируя жизнь. Среди деревьев проскальзывали разные животные, в тени бродили странные существа; сложно было представить, что они собой представляли, но ясно было одно – они там есть. Я чувствовала на себе их взгляды.

Затем совершенно неожиданно мы оказались у бесплодной поляны, деревья на краю которой были повалены.

От низкой зеленой травы остались лишь редкие желтые, умирающие клочки растительности на каменистой земле. Тут и там были разбросаны несколько одиноко стоявших деревьев, но и они оказались засохшими, искореженными, почерневшими и без единого листочка. Издалека их ветви, острые и зазубренные, блестели, как причудливые металлические скульптуры. В горячем воздухе пахло медью и пылью.

Пак долго оглядывал мертвый лес.

– Прутик был прав, – пробормотал он, глядя на засохшее дерево. Он хотел было дотронуться до ветки, но, вздрогнув, одернул руку. – Это ненормально. Что-то отравляет дикий лес.

Я потянулась, чтобы дотронуться до одной из сверкающих веток, и резко отпрянула.

– Ай!

Пак повернулся ко мне.

– Что?

Я показала ему руку. Из тонкой, как порез бумагой, царапины на пальце сочилась кровь.

– Дерево, оно меня ранило.

Пак смотрел на палец, нахмурившись.

– Металлические деревья, – размышлял он, доставая из кармана платок и обматывая им мой раненный палец. – Это что-то новое. Увидишь стальных дриад, скажи, чтобы я успел унести ноги.

Хмурясь, я посмотрела на дерево. С одинокой опасной ветки моя капля крови упала на потрескавшуюся землю. Ветви дерева, распростёршись, блестели, словно заточенные тонкие лезвия.

– Оберон наверняка знает, – бормотал Пак, пригнувшись и изучая пучок сухой травы. – Прутик сказал, что оно распространяется, но откуда? – Пак резко поднялся и, качнувшись, вытянул руки, чтобы не упасть. Я схватила его за руку.

– Ты в порядке? – спросила я.

– Все хорошо, принцесса. – Он кивнул, болезненно улыбаясь. – Немного обеспокоен тем, в каком состоянии находится мой дом, но что поделать? – Пак закашлялся и помахал рукой перед носом, словно почуяв мерзкий запах. – Но от этого воздуха мне нехорошо. Давай убираться отсюда.

Я принюхалась, но ничего странного не почуяла, только запах грязи и резкий привкус металла, похожий на ржавчину. Но Пак уже уходил, хмурый от злости и боли, и я поспешила за ним.

Через несколько часов мы услышали вой.

Пак остановился посреди тропы, да так резко, что я чуть не врезалась в него. Он поднял руку, призывая меня молчать.

И тогда я услышала: за спиной послышался, эхом разносимый ветром, хор леденящего душу лая и вой. Сердце забилось быстрее, и я осторожно приблизилась к своему спутнику.

– Что это?

– Охотники, – ответил Пак, вглядываясь в даль. Он поморщился. – Конечно, почему бы не поохотиться на нас, как на кроликов. День бы не удался, не попытайся меня кто-нибудь убить.

Я похолодела от ужаса.

– Нас преследуют?

– Ты никогда раньше не видела дикой охоты, да? – Пак застонал, запустив пальцы в волосы. – Проклятие. Это все усложняет. Я хотел устроить тебе грандиозную экскурсию по Небыли, принцесса, но, полагаю, придется ее отложить.

Лай, глубокий и хриплый, становился все ближе. Что бы нас ни преследовало, оно было огромным.

– Разве нам не пора бежать? – прошептала я.

– От них не убежать, – ответил Пак, шагая назад. – Они уловили наш запах, ни один смертный еще не спасся от дикой охоты. – Вздохнув, он драматично прикрыл глаза рукой. – Полагаю, нас сейчас спасет только унижение моего достоинства. Чего не стерпишь ради любви. Судьба насмехается над моими страданиями.

– Что ты несешь?

Пак улыбнулся своей жуткой ухмылкой и стал меняться.

Лицо его вытянулось, сужаясь, шея удлинялась. Руки дрогнули, пальцы почернели и превратились в копыта. Он выгнул растущую спину, топнул мускулистыми ногами. Весь покрытый шерстью, он упал на четвереньки – уже не юноша, а серый конь с гладкой шерстью, косматой гривой и хвостом. Все превращение заняло секунд десять.

Я попятилась, вспомнив столкновение с тварью в озере, но пятнистый конь топнул передними копытами и нетерпеливо взмахнул хвостом. Я посмотрела ему в глаза, сияющие, словно изумруды, под длинной гривой, и страх немного отступил.

Неистовый вой становился все ближе. Я подбежала к коню-Паку и бросилась ему на спину, хватаясь за гриву, чтобы взобраться. Хоть я и жила на ферме, верхом ездила лишь раз или два, поэтому залезть удалось не сразу. Фыркая, Пак качал головой, недовольный отсутствием у меня навыков верховой езды.

С трудом взобравшись и выпрямившись, я вцепилась в гриву и заметила, как Пак покосился на меня. Слегка привстав на дыбы, конь нырнул в кусты и поскакал прочь.

Ездить без седла отнюдь не весело, особенно когда нет возможности контролировать скакуна или его направление. Скажу честно, это была самая ужасная поездка в моей жизни. Мы проносились мимо деревьев, ветви которых хлестали меня по лицу; ноги горели от напряжения. Пальцы сомкнулись на гриве мертвой хваткой, но это не помешало мне соскользнуть набок, когда Пак свернул. Сквозь ветер, завывавший со всех сторон, до меня доносился ужасающий вой и лай наших преследователей, которые, казалось, уже наступают нам на пятки.

Потеряв счет времени, я не смела оглядываться. Пак ни разу не замедлился, не запыхался, однако шкура его темнела от пота, и я стала пугающе ерзать и соскальзывать. Ноги онемели, а руки, казалось, и вовсе отнялись.

Внезапно из кустов папоротника справа от нас выскочило огромное черное существо, щелкнув челюстями. Это была собака, такая огромная, каких я никогда не видывала, с голубыми сияющими глазами. Пак отскочил и встал на дыбы, чуть не повалив меня на землю, покрытую густым мхом. Я вскрикнула, когда он одним копытом ударил собаку прямо в грудь, отбросил ее, визжавшую, назад.

Еще пять чудовищных собак, разрывая кусты в клочья, выскочили на тропу. Окружив нас, они рычали и выли, пытаясь укусить коня за копыта и уворачиваясь от его ударов. Я намертво вцепилась в Пака, наблюдая, как массивные челюсти щелкали буквально в сантиметре от моих болтающихся ног.

Неожиданно среди деревьев я увидела его: тощая фигура на большом черном коне. Юноша из моего сна, тот, которого я видела из автобуса. Его жестокое и в то же время ангельское лицо расплылось в улыбке, когда он достал большой лук, заряженный остроконечной стрелой.

– Пак! – завизжала я, понимая, что было уже слишком поздно. – Берегись!

Листья над головой охотника зашуршали, и юноша получил веткой по руке в тот момент, когда уже отпустил тетиву. Я почувствовала гул и вибрацию, когда стрела пролетела мимо моей головы и вонзилась в сосну, пуская ледяную паутину по всему дереву. Пак бросился на стрелка. Охотник зарядил еще одну стрелу, а Пак, пронзительно заржав, встал на дыбы и перепрыгнул собак, каким-то образом избежав их щелкающих клыков. Приземлившись, мы умчались прочь, а собаки, лая нам вслед, бежали по пятам.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Глаштиг, или глайстиг (англ. Glaistig) – шотландский водяной дух, чаще всего описываемый как наполовину женщина, наполовину коза; то враждебный, то дружелюбный.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kagava_dzhuli/zheleznyy-korol

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить